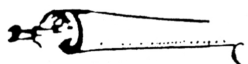

НИКОЛАЙ МОРШЕН

ПУЩЕ НЕВОЛИ

стихи

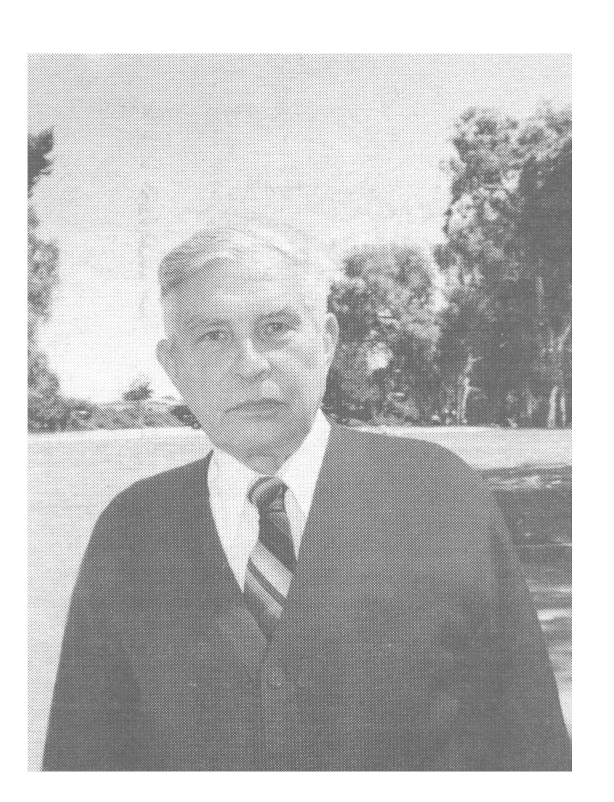
ПУЩЕ НЕВОЛИ

Белое облако, белое облако,
Тая, крадется
От облика к облику,
От блика к блику,
От лика к лику:

Было облако яблоком,
Стало облако зябликом,
Бубликом, бабочкой,
Баобабом, белочкой,
Обелиском, отблеском,
Столбиком, стебель-ком,
Оболочкой и комком
Белобоким колобком...

Пока настигнешь эти облака,
Они стократ успеют измениться,
И вечно будет форма далека
От той, что коченеет на странице.

Откуда ж мне, к чему мне эта страсть –
Уж не охотничья ль? – как выстрелом – оленя,
Стихом заставить
на колени
пасть
Мгновенье?

НИКОЛАЙ
МОРШЕН

ПУЩЕ НЕВОЛИ

СТИХИ

УДК 820/89
ББК 84.5
М 79

Моршен Н.
М 79 Пуще неволи. Стихи — М.: Советский спорт, 2000.
— 376 с.
ISBN 5-85009-615-9
В основу издания положено «Собрание стихов» Н. Моршена, подготовленное О.П. Раевской–Хьюз (Berkeley Slavic Specialties, 1996), а также стихи и переводы, опубликованные в периодических изданиях.

УДК 820/89
ББК 84.5

ISBN 5-85009-615-9

СЛОВО НИКОЛАЯ МОРШЕНА

Себя являя в поиСках – чего?
Ловя преданья гоЛоса – какого?
Она вливает в хаОс волшебство,
Водой живой взвиВая вещество
Она и хаос претвОряет в СЛОВО

Имя Николая Моршена мало что говорит отечественному читателю. Между тем в зарубежной критике оно обычно упоминается наряду с классиками второй волны русской эмиграции Иваном Елагиным и Дмитрием Кленовским (впрочем, тоже еще не получившими заслуженной известности на родине). А столь взыскательный ценитель поэзии, каким был Георгий Иванов, ставил Моршена даже выше Елагина.

Николай Николаевич Марченко («загадочную» нерусскую фамилию Моршен он выбрал, чтобы избежать после Второй мировой войны репатриации) родился 8 ноября 1917 года в Киеве и прошел все испытания, которые выпали детям интеллигенции в революционной России и русским людям на чужбине. Сам поэт писал об этом так:

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы — будет лет пятьсот.

Две страсти, о которых говорится в этих строках, владеют Н. Моршеном и сегодня, когда поэту за 80: любовь к жене (60-летию

знакомства с ней посвящен цикл стихов) и любовь к поэтическому слову.

Слово, по мысли Н. Моршена, переводит на человеческий язык голос природы, является ключом к сезаму вечности («Недоумь — слово — заумь»). Слова для поэта табуны лошадей («У словарей»), «стук спондея» и «пиррихия разбег» («Я свободен, как бродяга»). Даже закат в стихах Моршена «по небу сеет письменами» («Закат»).

Не берусь с уверенностью утверждать, что поэт читал «Нулевую степень письма» Р. Барта, но думаю, он разделил бы мнение ученого, что «под каждым Словом современной поэзии залегают своего рода геологические пласты экзистенциальности, целиком содержащие все нерасторжимое богатство Имени, а не его выборочные значения — как в прозе или в классической поэзии. Потребитель поэзии [...] сталкивается со Словом лицом к лицу, оно вырастает перед ним как некая абсолютная величина со всеми скрытыми в ней возможностями. Такое Слово энциклопедично...».

Присматриваясь к словам, Моршен находит в слове «небытие» слово «быть»; в «глухоте» — «ухо», в «педанте» — «Данте». Диалектику природы он стремится передать «диалексикой» («К словам я присмотрюсь...», «Часть и целое»). Разделяя привычные слова на слоги, поэт возвращает им первозданный смысл: своеволье; под-снежник, боли-голов, чаро-действо, благо-даря, оче-видным и т.п.. А если и этого оказывается мало, то создает необычные новые словосочетания: «не водопад — а водокап, не травостой — а траволяг»; «дух птициановый», «снежновости»; «зима в снежливости»; «снеголым-голо»; «на елочке снегвоздики, снеголочки»; «снеграфика, снеготика».

Порой поиск внутреннего смысла слова, созвучий слов приводит Н. Моршена к таким открытиям, что даже профессионалы-стиховеды не сразу угадывают полет мысли автора. Так, стремясь показать скрытую связь декабристов с нашим временем, Н. Мор-

шен делает это в стихотворении «Человек-невидимка» с помощью «тайных» (не сразу обнаруживаемых) рифм. Строки «есть прозрачнос*ть и скрытность* от века в любой добродетели» и «только зло ве*дь искрит, наст*оятельно жаждет свидетеля» содержат в себе «тайную» рифму «ть и скрытност/ дь искрит насто». Подобные рифмы присутствуют и во всех других строфах стихотворения.

Читать стихи Н. Моршена — наслаждение и для сердца, и для ума.

Думаю, что читателям будут небезынтересны и переводы американских поэтов, сделанные Н. Моршеном для журнала «Америка». Произведения переводимых авторов перекликаются с оригинальным творчеством поэта и отражают его политические и философские позиции.

Провозгласивший в «Послании к А.С.» «явную свободу и для зверей и для людей», Н. Моршен переводит стихи Оливера Холмса, Генри Лонгфелло, Джемса Лоуэлла, Франсиса Хопкинсона, восславивших американскую революцию.

Философ-оптимист, Н. Моршен обращается к стихам Г. Торо, У. Уитмена, Р. Фроста, Р.П. Уоррена и практически неизвестных русскому читателю американских поэтов о природе, любви, красоте жизни, о сильных и мужественных людях. Даже если речь идет о смерти, как в стихотворениях американцев Марка Стренда («В самом конце») и Рэймонда Кавера («Что сказал доктор») или англичанина Джона Мейсфилда («Морской волк»), их лирический герой сохраняет стойкость и готов даже в предсмертный час в море пуститься «опять, в привольный цыганский быт».

В одном из поздних стихотворений, рассказав о внезапно умолкнувшем на высокой ноте жаворонке, поэт писал

Так умолкнуть бы и мне —
На воздушной вертикали
В достижимой вышине.

Не сползать с зенита чтобы,
А кончину встретить в лоб
Песней самой высшей пробы,
Самой чистой... Хорошо б!

К счастью, поэт не умолк даже после перенесенного инфаркта и сложнейшей операции удаления трех межпозвоночных дисков. Поэзия оказалась пуще болезней и «пуще неволи». Последние стихи поэта свидетельствуют о том, что мастерство его не только не угасло, но и окрепло. Это поэзия самой высшей и чистой пробы.

Впрочем, читатель сам имеет возможность в этом убедиться, познакомившись с предлагаемым самым полным изданием стихов и переводов замечательного поэта русского зарубежья.

В. Агеносов,
академик РАЕН

ТЮЛЕНЬ

Николай Моршен

ТЮЛЕНЬ

стихи

«Посев»
1959

* * *

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы — будет лет пятьсот.

ТЮЛЕНЬ

«Товарищи!»
Он опустил глаза,
Которых не удастся образумить.

«Кто за смертную казнь врагам народа,
прошу поднять руки!»

Все подняли. Он тоже поднял «за»,
Стараясь ни о чем не думать,

Но головокруженье превозмочь
И, отстранясь, скорей забыть про это.
Аплодисменты. Значит,можно прочь,
Из коридоров университета

На воздух. Сумерки. Земля
Апрелем пахнет. Дальше что? Постой-ка,
Теперь все просто: полтора рубля,
Стакан вина у неопрятной стойки

И папиросу в зубы. И – в сады,
Туда, к реке, где ночь шуршит ветвями,
А звезды, отразившись от воды,
Проносятся, как эхо, над садами.

Где в темноте, друг другу далеки,
Блуждают одиночки по аллеям,
И, как кладбищенские огоньки,
Их папиросы плавают и тлеют.

И здесь бродить. Сперва – томясь, потом –
Уйдя в покой туманных размышлений
О постороннем; в частности о том
По детским книжкам памятном тюлене,

Который проживает там, где лед
Намерз над ним сплошным пластом снаружи.
Тюлень сквозь лед отдушину пробьет
И дышит, черный нос с усами обнаружа.

ВЕЧЕРОМ 7 НОЯБРЯ

Для трудящихся мильонов,
Превратившихся в зевак,
Два оркестра с трех балконов
Исполняют краковяк.

А потом играют польку –
Ай да полька-полечка!
И танцуют Колька, Олька,
Толечка и Полечка!

И также вальса звук прелестный
Звучит над самой головой.
Его танцуют повсеместно
По потрясенной мостовой.

Зачем же средь шумного вальса
Ты бродишь без смысла и цели?
Смелей! Не печалься! Включайся
В дозированное веселье!

Веселья не будет иного.
Ни юность, ни счастье не ждет.
Ты медлишь? Надеешься снова?
На чудо? Но чудо не в счет!
. . . .

Смолкают кругом разговоры,
Кончается шустрая полька,
Расходятся пары, и скоро
С тобою останутся только

Ночной и рассудочный воздух,
Рябины прогоркшие кисти,
Звезды запоздалый пробег.

Сперва осыпаются звезды,
Потом осыпаются листья,
За листьями сыплется снег.

* * *

Остывают камни. Спит столица.
Люди спят. Кому теперь что снится?

. . . .

Крымский берег в прядающей пене
(Солнце, ветер, море по колени).
Камни, расправляющие крылья.
Хабанера, роза, сегедилья.
В бурдюке бродящее вино.
Настежь растворенное окно.
Журавлиный клекот... Людям снится,
Что они свободны, словно птицы.

. . . .

Пахнет липой и бензином воздух:
По ночам все запахи слышны.
Птицы спят, попискивая в гнездах:
Вероятно, тоже видят сны.

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА

Где под луною
Камень белеет,
Пахнут землею
В парке аллеи.

В час полуночный
Слышится гулко
Звук одиночный
Из переулка:

Свист постового,
Грохот трамвая...
Смолкнет – и снова
Спит мостовая.

Над головою
Листья и гнезда,
А над листвою
Небо и звезды.

Что до могилы,
Рая и ада?
«Миленький... милый...
Не надо... не на...»

* * *

В час, когда соловьями из клетки
Запевают сердца про одно,
И черемух вскипевшие ветки,
Как бессонница, лезут в окно,

И набухшие полночью травы
Поникают до самой земли,
Под лягушечий стон из канавы
Вынимали его из петли

Слишком поздно. И было не важно,
Как трясли его по мостовой
И как нежно и многоэтажно
До утро его клял постовой.

Только утром за белой сиренью
Отыскался бумажный листок:
Неумелое стихотворенье
На двенадцать отчаянных строк.

Закорузлой колхозной рукою
Он писал: «...бо не маю вже сил»,
Оставлял Василька сиротою,
У него же прощенья просил,

Тосковал, задыхался слезами
И писал малограмотно он.
Но такой уже, видно, закон,
Чтоб о самом о главном – стихами...

* * *

С глазами-бусинками примитивной твари
Большая крыса кверху животом
На пыльном и горячем тротуаре
Лежала с переломанным хребтом.

А мимо люди шли. Переступали
Через нее – уже в который раз –
И каблуки мелькали и мелькали,
Как молоты, у самых крысьих глаз.

В блестящих глазках не был виден ужас,
Но в глубине он дрожью нарастал
И пробегал от усиков и ушек
До длинного и мерзкого хвоста.

И было как-то жутко и тоскливо,
И смерть особенно страшила нас.
Но мы болтали. Стоя, пили пиво...
Мелькали каблуки у крысьих глаз.

* * *

На Первомайской жду трамвая.
Вокзал гудит передо мной.
Калека-нищий, завывая,
Сидит у самой мостовой.

Трамвай подходит, но не мой.

Идет безбровый и прыщавый
Полудешевой пудры слой,
А рядом чубчик кучерявый
И зуб с коронкой золотой.

Трамвай подходит, но не мой.

Платочек в серенький горошек
Людской выносится волной
И, пометавшись у подножек,
Вдруг исчезает на одной.

Трамвай подходит, но не мой.

Тень на сугробе под часами
В высокой шапке меховой.
Она с другими голосами
Смеется за моей спиной.

Который час? Уже восьмой.

Гудят заводы. На вокзале
Всем шепчет серое пальто:
«Ты, вы, они, мы опоздали!»,
И, глядя с ужасом на то,
Как ужас искажает лики,
Которых нет передо мной,
Я вдруг мычу нелепым криком,
Как раненый глухонемой,

И просыпаюсь. Боже мой!

* * *

Есть Бог, есть мир. Они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога.
Н. Гумилев

С вечерней смены, сверстник мой,
В метель, дорогою всегдашней
Ты возвращаешься домой
И слышишь бой часов на башне.

По скользоте тротуарных плит
Ты пробираешься вдоль зданья,
Где из дверей толпа валит
С очередного заседанья.

И, твой пересекая путь,
Спокойно проплывает мимо
Лицо скуластое и грудь
С значком Осоавиахима.

И вдруг сквозь ветер и сквозь снег
Ты слышишь шёпот вдохновенный.
Прислушайся: «... живут вовек».
Еще: «А жизнь людей мгновенна...»

О строк запретных волшебство!
Ты вздрагиваешь. Что с тобою?
Ты ищешь взглядом. Никого!
Опять наедине с толпою.

Еще часы на башне бьют,
А их уж заглушает сердце.

Вот так друг друга узнают
В моей стране единоверцы.

* * *

Как круги на воде расплывается страх,
Заползает и в щели и в норы,
Словно сырость в подвалах – таится в углах,
Словно ртуть – проникает сквозь поры.

Дверь на крюк! Но тебе не заклясть свой испуг
Конурою, как коры понурой:
Он порочен твой круг, твой магический круг
Нереальный своей квадратурой.

За окном, где метель на хвосте, как змея,
Вьется кольцами в облаке пыли,
Возвращается ветер на круги своя
И с решетками автомобили.

Горизонт, опоясавший город вокруг,
Застывает стеною сплошною.
Где-то на море тонет спасательный круг,
Пропитавшийся горькой водою,

А вдали, где полгода (иль более) мрак,
Где слова, как медведи, косматы:
Воркута, Магадан, Колыма, Ухтпечлаг...
Как терновый венец или Каина знак –
Круг полярный, последний, девятый.

* * *

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...

Батюшков

Еще до наступления морозов
В полях хватали сборщиц колосков,
И по ночам гудели паровозы
На север уходящих поездов.

Но помню утро. Вогнутое небо,
Узор деревьев, труп невдалеке,
И на трехпалой вздувшейся руке
Колючий иней — первый — вместо хлеба.

Брось! Замолчи. Стихи твои пусты.
Отсутствует в них трепет изначальный.
Когда б ты мог: «О память сердца, ты
Сильней рассудка памяти печальной».

Нет и не так. Ведь можно жизнь прожить
И не забыть ни крошечной детали,
Но, вспоминая, в сердце не открыть
Ни ненависти, ни печали.

О нет! О нет! Пошли мне все забыть:
Гудки, деревья, руку эту, иней,
Но только полной мерой сохранить
Святую дрожь, доступную мне ныне!

* * *

Был воздух свеж, и небо сине,
Смеялись люди, проходя.
А в полутемном магазине
Жил бюстик гипсовый вождя.

И, пребывая на витрине,
Он думал с важностью о том,
Что мир и сам он – в магазине,
А остальное – под стеклом.

*   *   *

Напрасно я со страхом суеверным
Смотрел на стены с четырех сторон:
Каким пространством я — четырехмерным
Или четырехстенным окружен?

Я отпер дверь. Темнело. Постепенно
Один предмет скрывался за другим,
И воздух в легких шорохах, как пена,
Был осязаем, но неуловим.

Он шел приливом, этот темный воздух:
Вот по колени, а потом по грудь,
И надо лишь порог перешагнуть,
Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах.

* * *

Гроза прошла, и — хорошо в полях!
Цветет гречиха, колосится жито.
Две радуги стоят на небесах,
Но в чумаками вытоптанный шлях
Следы от танка вдавлены, как вбиты.

Сутулый дед из ближнего села
По ровному шагает, словно в гору.
Намокла свитка, дума тяжела,
А передача в сверточке мала,
И двадцать верст еще до прокурора.

Сияют семицветные мосты,
Но тихо шепчет дед, глядя на поле,
На гулких пчел, на мокрые цветы:
«О, рідна земле! Скільки туги й болю
Повинен мати хліб, що родиш ти!»

* * *

Я в осеннюю мзгу и холод,
От рассвета сгибая спину,
Во дворе двухэтажной школы
Из канавы швыряю глину.

И с тоской, будто в окна рая,
Я смотрю, как, раскрывши книжки,
Получинно-полуиграя
Что-то в классах твердят детишки.

Из загробных миров сюда же
Смотрят души умерших тоже
И, вздыхая, с тоской и даже
С исступлением шепчут: «Боже!

Этой глины тугая влажность,
Пенье мускулов напряженных
И лопаты живая тяжесть
В зашершавившихся ладонях!

Боже! Снова б в земном объеме
Обрести ощущенья эти
И не ведать печали, кроме:
О, как жаль, что уж мы не дети!»

* * *

Мой Киев спит. В садах ни поцелуя.
Тускнеют звезды, словно запотев.
А фонари под звездами колдуют,
Глазами золотыми поглядев.

Холодный ветер бродит у откоса,
Сухие листья треплет налету,
И, сорваны, ныряют листья косо
Летучими мышами в темноту.

Нагие руки тополи ломают,
Своей тоски не в силах превозмочь.
Проходит ночь. Ноябрьская, скупая,
Без запахов и без желаний ночь.

АНДРЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Лучистая, вся в белоголубом,
Над темною весеннею рекою
Почти летит, взнесенная холмом
Высоко в небо голубое.

Она стоит отвесна и пряма,
С улыбкой думая о нежном и далеком.
А рядом низколобые дома
Прищурили глазницы черных окон.

Толпой тяжелою они сюда сошлись,
Глядя со злобой мрачной и старинной
На устремленность в тающую высь
И эту легкость смелых линий.

ЗАКАТЫ

1.

Повержен свет, и день убит,
Но жив последний миг:
Еще поет, еще звенит
Заката алый крик.

И небо надвое рассек
Последний солнца луч,
Багряным золотом зажег
Края лиловых туч.

Скользнул вперед, скользнул назад
На кровлях ледяных,
Резнул сосулек светлый ряд
И окровавил их.

Но, задрожав, упал и лег,
Сраженный на бегу.
Упал и лег у наших ног,
Свернувшись в розовый комок
На голубом снегу.

2.

И снова рядом, как когда-то,
В полупрозрачном сентябре
Они стояли на бугре
Перед расплавленным закатом.

Они стояли молча глядя,
Как, полыхая, гаснет день.
А к ним подкрадывалась тень —
Бесшумно, по-кошачьи, сзади.

3.

Там, где неба оранжевы полосы,
Облака — как кипящая медь.
Но ничем не зажечь, не согреть
Монотонно-холодного голоса:

«Перестань же. Меня не разжалобить
Тем, что было когда-то давно.
Если чувство теряется, стало быть
Потеряться ему суждено».

Голос смолк. За полями, за хатами,
Где желтеет и рдеет листва,
Вьются галки, как эти слова,
Обожженные в уголь закатами.

* * *

Он снова входит в парк. Давным-давно
Здесь был бассейн. Припомнилось опять,
Как у бассейна... Впрочем, все равно:
Он учится былое забывать.

И все ж туда из темноты аллей
Выходит он на ветер сентября.
Над водоемом светит Водолей,
А по бокам – два желтых фонаря,

Которые, расталкивая тьму,
Твердят о том, что высох водоем
И что не стоит больше одному
Скитаться там, где хожено вдвоем.

* * *

Смолк еще один день, что долго
Бился птицею в западне.
Но прислушайся: звуков сколько
В этой якобы тишине!

Сколько ритмов многоязыких
Наполняет тебя и тьму:
Вот постукивает на стыках
Поезд, мчащийся в Кострому,

Одинокого пешехода
Раздается негромкий шаг,
И мешается шум завода
С шумом сердца в твоих ушах.

Будешь мять ты и мучить снова
Нарастающие слова,
Чтобы песня рождала слово
И рождалась сама, жива.

Чтобы, искрами обдавая,
Зазвенела твоя строка,
Как булыжная мостовая
Под подковами рысака.

НА РЕКЕ

1. Утро

Открыв реки крутой изгиб,
Растаял пар, скрывавший воду.
По всей реке пошли круги
От легких всплесков верховодок.

Роса дрожит на листьях трав
В тумане утра золотого.
Я тороплюсь, слегка проспав,
Не опоздать к началу клева.

Весло сгибается в руках,
Роняя розовые капли,
В пушистых нитях-облаках
Летят, раскачиваясь, цапли.

Мгновенья милые близки,
Неизъяснима их услада:
Прозрачным утром из реки
Ловить серебряную радость,

И все забыть, на поплавок
Глядя с желанием единым,
Не замечать, как жжет восток
Мою коричневую спину,

И с выгоревшей головой,
Со связкой рыбы полохливой
Приплыть к двенадцати домой –
Голодный, мокрый и счастливый!

2. День

Желтеет луг, недавно скошен,
Горячей дымкой дышит даль,
И в синем небе черный коршун
Вьет бесконечную спираль.

Нам жарко думать и смотреть –
Так раскален и ярок воздух.
Лети же, тел нагая медь,
С разбега в брызнувшую воду!

Лежим, почти не шевелясь.
Нас медленно несет теченьем
И вдруг, столкнув, сближает нас
Нечаянным прикосновеньем.

И выбегаем мы из струй
Со смехом на берег песчаный,
И звонок первый и случайный,
Рожденный солнцем, поцелуй.

3. Вечер

От ударов щуки гладь залива
На мгновенье вздрагивает, зыбясь.
Нарушая сумрак молчаливый,
Где-то крикнул белогрудый чибис.

Мы спешим с тобою воротиться.
Небо уж заметно потемнело,
И какая-то ночная птица
Быстро и бесшумно пролетела.

Дома ужин встретит нас, наверно,
Черным хлебом и молочным паром.
Наш челнок, похлюпывая мерно,
Медленно скользит по ненюфарам.

4. Ночь

И вода, и воздух, и песок
Тонут в теплом августовском мраке,
Но уверенно скользит челнок,
Озираясь на знакомый бакен.

Ночь роняет звезды прямо в Днепр
По обычаю прощанья лета.
Понырять да поискать на дне 6 —
Верно, много звездных самоцветов!

Ночь черна, река еще черней...
Вдруг, гуденьем разорвав дремоту,
Пароход, прозрачный от огней,
Выплывает из-за поворота.

И проходит мимо челнока,
Не скользя, но разрезая воду.
С плеском прогибается река
Под тяжелым телом парохода.

* * *

Там, где камыш и гибкая лоза,
И где тростник отточен, словно сабля,
Полузакрывши пленкою глаза
И ногу подобрав, застыла цапля.

Как нежива. Но это лишь ловушка.
Вдруг дернулась. Метнулся клюв стрелой.
Мгновение – и в клюве над водой,
За ногу схваченная, мечется лягушка.

И вот проглочена. А с клюва, как слеза,
Стекает вниз серебряная капля.
Полузакрыв безжизненно глаза
И ногу подобрав, застыла цапля.

НОЧЛЕГ

От заморозков стынет синий воздух.
Под лодкой плещется тяжелая вода.
А в лодке — сено, а над лодкой — звезды,
Осколки молотом раздавленного льда.

Окончен ужин. Высушены ноги
Над фыркающим радостно костром,
И в лодку спать с тобой ложимся рядом.

Ноябрьский месяц вылез из-за стога,
Застывшего тяжелою громадой,
Как мамонт со светящимся клыком.

Нам сладко спать внимательно и чутко.
Река и ночь струятся вдохновенно,
Торжественно, как старые стихи.

Зубровкою и мятой пахнет сено,
На озере кричат спросонок утки,
А за рекой горланят петухи.

* * *

До раскрывшегося цветка
Добираюсь тропой крутою
И сползаю. Полна рука
Мокрой глинистою землею.

Сжать кулак, и она тогда
Между пальцев ползет щекотно.
Если б жизнь ощущать всегда
Так объемно, свежо и плотно,

Как вот этой земли кусок,
Как жужжанье пчелы над ухом,
Как на крепких зубах песок –
Осязанием, вкусом, слухом!

И нацеливаться сорвать
Тот дурманящий, тот колючий...
И карабкаться вдругорядь
По отвесному склону кручи.

* * *

Над рощей тучи встали,
Разгрохотался гром,
И молнии летали
Над молодым дубком.

По тайному закону
К нему привлечена
В доверчивую крону
Ударила одна.

Он молнией отмечен
И не такой, как все:
Заметен издалече
По белой полосе.

* * *

Остался сзади теплый ряд огней.
С моею тенью как мы одиноки
Вдвоем в степи! Мороз мне щиплет щеки,
А от луны и вдвое холодней.

Сперва шагаю молча в тишине,
Но утомившись ею, ледяною,
Выкрикиваю, обратясь к луне,
Стихи, вчера написанные мною.

И наблюдаю долго, недвижим,
Как, смешиваясь с выдохнутым паром,
Взлетают звуки теплым и живым,
Ритмически пульсирующим шаром.

РАКОВИНА

1.

Да, море не скудно
Своими дарами:
Есть в море и спруты,
И рыбы, и крабы.

Но только моллюски
Приносят с собою
И плески, и хлюпы,
И пенье прибоя.

И скользко, и гладко,
А к уху приблизь-ка –
Вселенной загадка,
Иль даже попытка,

И, может быть, чудо,
Которого ради
И созданы спруты,
И рыбы, и крабы:

У губ розоватых
И зева пустого
Архейские схватки
Рождения слова.

2.

За окнами клики, знамена, салюты,
И толпы гудят, как самум.
За окнами прочно стоит пресловутый
Шум времени — временный шум.

Но эта квартирка, клетушка, каморка,
Которую не проймешь.
Четыре стены и дверь как створка —
И все. И не всякий вхож.

Здесь строки вскипают Венерой из пены,
Идут напролом, наобум,
Рождая вневременный, внесовременный,
Самодовлеющий шум.

3.

Ребенок раковину взял
Из морем выброшенной груды
И долго к уху прижимал,
Дивясь неслыханному чуду.

Немыслим вне чужого уха,
Ты тоже входишь в некий круг
И существуешь в нем как звук,
Как речь без зрения и слуха.

ИСХОД

Покинув все, пойдем со мной
По пыльным тропам, дорогая,
На самый дальний край земной,
Забыв, что нет такого края.

И там, где ровные поля
Вдруг подгибаются отвесно,
Где прекращается земля,
Стремглав обрушиваясь в бездну,

Мы сядем рядом на обрыв
И свесим ноги непременно,
Их до колена погрузив
В поток несущейся вселенной.

Вверху растают клочья туч,
Внизу погаснет солнце кротко,
Роняя вверх последний луч
На наши стертые подметки.

Пускай за нашею спиной,
Неукротим и невменяем,
Далекий мир, как пёс цепной,
Хрипит, захлебываясь лаем.

Ведь мы не обратимся вспять
И не пойдем к нему с поклоном:
Нам миру нечего сказать,
А слушать незачем его нам.

Мы будем верить тишине,
Вдыхать космические ветры,
Следить летящие вовне
Секунды, звезды, километры.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

По-осеннему воздух чист.
Пала изморозь и не тает.
Обрывается желтый лист,
Обрывается и слетает.

И не может понять он вдруг,
Не в бреду ли ему приснилось:
Почему это все вокруг
Покачнулось и закружилось?

Кувыркаются облака,
Опрокинулось поднебесье,
И такая во всем тоска
Об утраченном равновесье.

У МАЯКА

Здесь на юг пролетают птицы,
Обгоняя случайный шквал.
Здесь с разбегу волна дробится
В горьковатую пыль у скал.

Здесь прибой потрясает гривой,
Словно вздыбленный белый конь.
Здесь ночами во мгле бурливой
Зажигает маяк огонь.

Но, привычные к тьме безлюдья,
Не понявши зачем и как,
Перелетные птицы грудью
Ударяются о маяк.

И крылатое, став свинцовым,
Исчезает в морской пыли.

. . . .

Вдалеке благодарным ревом
Откликаются корабли.

* * *

Подходит к берегу волна
И, вздыбясь на бегу,
С тяжелым грохотом она
Сгибается в дугу.

Смотри внимательно: нигде
Ее отныне нет.
Ни на песке, ни на воде
Ее не виден след.

Ни на воде, ни на песке,
Но в полусогнутой строке
Сверкает солью пыль.
Волна стоит в стихе — ну что ж,
Запоминай скорее иль
Забудь и уничтожь.

ХИРОСИМА

Тот самолет в пространстве голубом
Был с каждым мигом громче и крылатей.
Большая тень его легла крестом
На город, обнаженный для распятий.

1945

* * *

По тропинке по лесной
Два солдата шли весной.
Их убили, их зарыли
Под зеленою сосной.

Кто убил и почему
Неизвестно никому –
Ни родному, ни чужому,
Разве Богу одному.

Через год иль через два
Прорастет кругом трава,
Все прикроет, припокоит,
Приголубит трын-трава.

У тропинки у лесной
Запоет гармонь весной:
«Слышу, слышу звуки польки,
Звуки польки неземной».

* * *

Если все-таки ты уцелел,
Значит, в Киеве встретимся снова.
Разом скажем: «А ты еще цел»
И ответим: «А что ж тут такого!»

Будет осень шуршать под ногой,
Нашу встречу собой знаменуя.
Если встретимся на Прорезной,
То зайдем, как бывало, в пивную.

И, присев в уголке за столом,
Мы опять повторим из былого:
Грамм по двести с тобой разопьем,
Почитаем стихи Гумилева,

И твои почитаем о том,
Как зигзагами звезды летели,
И как с мамой под вечер вдвоем
Вы вносили складные постели...

...Хорошо тем, кто верит в покой!
Ну, а если дорогой такой
Возвращаться под старую кровлю:
Вдоль по улице, по мостовой,
До тротуаров наполненной кровью?

ГРОЗА

Ты проснулся в полночь. За окном,
Полыхая, небо грохотало,
Как в тот день, когда стоял кругом
Скрежет, содрогание и гром
Разрывающегося металла.

Помнишь раньше грозы? Тютчев, Фет,
Мокрый сад и лужи на дорожке.
А теперь? И в восемьдесят лет
Первое, что вспомнишь ты, поэт,
Будут канонады и бомбежки.

* * *

Словно ласточкин хвост, за кормою
Разделяется надвое след
И бежит, колыхаем волною,
В те места, где меня уже нет.

Так везде на путях моих странствий
Продолжением прожитых лет
Оживает и бродит в пространстве
Многократно дробящийся след.

. . . .

Пролетают ветра над полями
И метут невесомую пыль.
Под бурьяном, в загаженной яме
Это кости лежат не мои ль?

А бухгалтер, который в колхозе,
Поллитровкой разбавив печаль,
Пишет скверные вирши о розе,
Соловьях и любови – не я ль?

Педагог, обреченный лукавить,
Обучает детей предавать –

Это трижды, четырежды я ведь
Возникаю в тумане опять!

А вон там, в полутемном подвале,
Две секунды, летящие вскачь,
Измеряю шагами не я ли,
Не за мной ли шагает палач?

Но движением точным и скорым
Чья метнется рука, как змея?
Пулей тот меня скосит, которым
Буду тоже ведь, тоже ведь я!

. . . .

Небывало, нелепо, нежданно,
Небоскреб в отдаленье возник,
И глядит на него с океана
Мой неправдоподобный двойник.

ЖУРАВЛИ

Сухая осень расцветает
Весны заманчивей вокруг.
Но журавли вернее знают,
Зачем летят они на юг.

Порядкам старым журавлиным
Верна крылатая семья,
Летит она привычным клином
В иные, теплые края.

И мне все кажется, что стая,
Пунктиром небо прочертя,
Летит, о прошлом не мечтая,
Не сожалея, не грустя.

И в этом вся наука ныне:
Лети – и больше ничего!
Вот хитрость счастья на чужбине,
Премудрость жизни кочевой.

. . . .

Погас закат за тополями
От дуновенья темноты.

Ну что ж, – прощайся с журавлями,
Чей след уже теряешь ты,

Но верь: затем и не погиб ты
На пустырях чужой земли,
Чтобы тебя еще смогли,
Летя обратно из Египта,
Весной окликнуть журавли!

1943

Смеется тощий итальянец,
Базар гогочет вместе с ним:
Ботинки продал он и ранец
И вопрошает путь на Рим.

При этом ловко кроет матом
«Тедеско», «порко Сталинград»,
А рядом дядько Гриць со сватом
И воз с картошкою стоят.

Из неуклюжей клетки чижик
Свистит о плене и тоске,
И букинист десяток книжек
Раскладывает на мешке.

И рыжий парень в полушубке
Отмеривает чашкой соль,
И женщина у перекупки
Кольцо меняет на фасоль.

Стоять с картошкою наскучив,
Подходит к букинисту сват
И томик с надписью «Ф. Тютчев»
Он выбирает наугад.

И, приподняв усы живые,
С трудом читает то впервые,
Что кто-то подчеркнул до дыр:
«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты ро-ко-вые...».

ДВОЕТОЧИЕ

НИКОЛАЙ МОРШЕН

ДВОЕТОЧИЕ

Вашингтон, Изд. Русского книжного дела в США
Victor Kamkin, Inc.

1967

* * *

Шагаю путаной дорогой –
Под стать догадкам.
И рядом с тенью длинноногой
Кажусь придатком.

Она переставляет ноги –
Мне тоже надо.
Она присядет у дороги –
И я присяду.

Она быстрее зашагает –
И я быстрее.
Она, споткнувшись, захромает –
И я за нею.

А солнце к западу катилось
И – закатилось.
Где ж тень моя, скажи на милость,
Что с ней случилось?

Свисают звезды понемногу
Все ниже, ниже...
Гляжу на Млечную дорогу
И снова вижу,

Что заполняет мирозданья
Все измеренья
Мое сознанье-подсознанье
Своею тенью.

Тень улыбается иль плачет –
И я за нею.
Она страшится неудачи –
И я робею.

Она к высотам горним прянет –
Я тоже пряну.
Она стремиться перестанет –
Я перестану.

... Нужны мне спутники – причины
Для всех событий!
За сценой скрытые пружины,
Колеса, нити!

Пусть нить, пусть тень, пусть отраженье,
Но чтобы – двое!
Я не хочу, чтобы движенье –
Само собою!

Я не желаю в одиночку
Ни днем, ни ночью!
Я смерть трактую не как точку –
Как двоеточье:

* * *

Закат вчерашний не поблек,
Не стаял прошлогодний снег,
Не смолк далекий соловей
В волшебной памяти моей.

Что ей пятнадцать лет назад?
Что тридцать лет? Что сорок лет?
Вдруг вспомнятся – то снег и град,
То смех и грех, то свет и цвет.

О, памяти земной река,
Ты здесь светла и широка,
Но как найду я путь во тьму,
Туда, к истоку твоему,

Где хлещет темная струя
Из пропасти добытия?

ДУШЕ

И я считал тебя подчас
Подобьем люка иль колодца,
Источником поспешных фраз
И безответственных эмоций.

То неврастеник, то герой,
То совестливый собеседник,
То обвинитель, а порой
И адвокат не из последних,

Ты вскользь упоминалась там,
Где хвастались душой большою,
Иль разговором – по душам,
Иль исполнением – с душою.

Но, подходя к своей душе
Впервые, может быть, вплотную
И отрываясь от клише,
Как я тебя наименую?

Сквозь снег и стужу, пыль и зной,
По тропам свежим и забытым
Ты движешься передо мной
Разведчиком и следопытом.

Тому, кто к шепоту привык
Твоих скупых напоминаний,
Они — как рев береговых
Сирен для кораблей в тумане.

О чем шмели теперь гудят?
О чем шумят над нами ели,
Как миллионы лет назад
Хвощи гигантские шумели?

Кто начинал тогда с азов?
Кого вела ты этим краем,
Где мы, держась его следов,
На нечто большее дерзаем?

Отсчитывая день за днем,
Мы будущее не торопим,
Но в некий час мы подойдем
К еще не проходимым топям.

Костями здесь мостится гать
К тому, что называют раем.
Но нас с тобой не испугать:
Ведь мы не оба умираем.

Мне гибнуть здесь, как гибнут сплошь
Идущие путем творимым,
А ты одна теперь пойдешь
Назад за новым пилигримом.

Но к твоему прильнув плечу,
В последнем шепоте, как в дыме,
Я на прощанье различу
Слова, всего неповторимей.

*   *   *

Среди туманностей цепных,
Галактик здешних и иных,
Спиральных и дискообразных,
Комет, как скука, ледяных,
Пространств, прилежных или праздных,
Среди орбит, среди лучей,
Среди отсутствия вещей,
Среди космической глуши,
Среди кладбищенской тиши,
Среди молчанья мирового,
Ни с кем страданья не деля,
Летит, кружит, поет Земля,
Окутанная дымкой Слова.

И мнится мне, что ей одной
На долю выпал звонкий жребий:
Быть первой клеточкой живой,
Стать Вифлеемскою звездой
В еще бездушном, косном небе.

* * *

... И развевался в отдаленье
Флаг на линейном корабле,
Когда по щучьему веленью
Исчезли люди на земле.

Еще крутился вал шарманки,
Дудя в какую-то трубу,
И попугай тащил из банки
Несбудущуюся судьбу.

И в подозрительном отеле,
Где ночевали, кто хотел,
Еще постели не успели
Изгладить отпечатки тел.

В дверях распахнутого храма
Сновала взвешенная пыль,
И выл из придорожной ямы
Свихнувшийся автомобиль.

Аквамариновые шпили
Шли параллельно в эмпирей
И в бесконечности сходились
В равнобесцельности своей.

*   *   *

Бессмертия сон золотой
Георгий Иванов

Ты смотришь, как рушатся рощи,
Как никнут и вянут цветы,
И сетуешь, мудрствуешь, ропщешь:
Бессмертия требуешь ты.

Ты требуешь дивного права
Своей не кориться судьбе.
И вот уже ангел лукавый
Бессмертье дарует тебе.

. . . .

Эпоху сменяет эпоха.
Среди оголенных равнин —
Ни слова, о друг мой, ни вздоха! —
И ты остаешься один.

А Солнце гудит, свирепея,
Растет до планетных орбит,
Чудовищной силой своею
Планеты оно пепелит.

Лишившись Земли постоянства
И сил тяготенья ее,
Несется в пустое пространство
Бессмертное тело твое.

Давясь многократными тьмами,
Сгибаясь в неравной борьбе,
Слабеет о прожитом память,
И – что ж остается тебе?

Надежда? Надежда на что же?
На то ль, чтоб во тьме светолет
Хоть отблеск увидеть, похожий
На звезд забываемый свет?

* * *

«Не убежишь! Хоть круть, хоть верть! –
Твердят постигшие умы. –
В час правды к нам приходит смерть...»
Нет! Это к ней приходим мы!

Идем – как жертва к палачу.
Ведут – как к мяснику быка.
Казнь и убой! А я хочу –
Как два бойца, как два клинка!

Пусть – бык! Но чтобы – матадор!
Чтоб, как Давид и Голиаф!
И чтобы шанс, и чтобы спор,
И – даже – смертью смерть поправ!

Но тщетно смертная рука
Сжимает крест или ланцет:
Отмены смерти нет, пока
Замены нет.

* * *

Осенний жалуется норд,
Своей не веря жалобе,
А волны хлещут через борт
И мечутся по палубе.

Народ к бортам идет, скользя.
Покрыты шлюпки пеною.
Но много брать с собой нельзя –
Берут лишь драгоценное.

Вот этот с кольцами идет,
Тот – с манускриптов пачкою,
Кто фотографии несет,
Кто носится с собачкою.

Что ж – с Богом! Через день-другой
Мотанья океанного
Швырнет их на берег прибой
И жизнь начнется заново.

. . . .

Нахлынет смерть из темноты,
Как те валы осенние,

И окунешься в вечность ты
Без шансов на спасение.

Шепнуть, что *где-то есть прибой,*
В порыве откровенности?
Но что захватишь ты с собой –
Какие драгоценности?

Глубокомысленную ложь
Да истины убогие?
Иль страх, что Божьим ты зовешь,
Продукт физиологии?
К чему ж бессмертия прибой
Потомку человечьему?
Живи, и жизнь твоя с тобой,
Но воскресать в ней – нечему.

АББАТУ,
завещавшему свои глаза слепому мальчику

Нет, не весь я умру
Гораций

Чудесный труд окончил скальпель острый.
Зрачки живут и заново глядят
На нищий мир, сверкающий и пестрый –
Цыганский табор в листопад.

Но мальчик видит снежные вершины
В уборе непорочном и простом,
Нагорный свет, струящийся в долины,
И за решеткой холмик под крестом.

Пусть этот холмик скоро станет кочкой
(Могильный червь и спор и деловит) –
Аббата радужная оболочка
И прах переживет, и тленья убежит.

Мы смертны все: аббат или поэт.
Но как шумит бессмертие над нами,
Когда, прозрев, слепой увидит свет,
И мир, и небо нашими глазами!

* * *

Клубились ночи у реки,
Вулканы извергали пламя,
Светились папоротники
Палеозойскими огнями,

Когда, с разрезом скифским глаз,
Из тьмы болота выполз ящер —
Ступил на землю в первый раз
Мой пресмыкающийся пращур.

Нет, он предугадать не мог
Разлив грядущих поколений,
Неиссякающий поток
Взаимосвязанных явлений,
Меня в цепочке появлений,
Мой мир, где рядом Планк и Блок!

Но я? Что я за существо?
Куда иду я и откуда?
Как мне предугадать того,
Чьим скромным пращуром я буду,
Весь мир его, подобный чуду,
Дела и помыслы его?

Он явится. Пройдут века...
Да что века – мильонолетья!
И вспомнит нас издалека
Таинственный потомок третий.

И вот случится волшебство:
Сольются в точку расстоянья,
И в рай сознания его
Мы прорастем своим сознаньем.

Проявятся из серой мглы,
Вещественны и непреложны,
Все, как бы ни были малы
И как бы ни были ничтожны.

И в этой радостной гурьбе,
К начал началу нисходящей,
Найдется место и тебе,
Мой пресмыкающийся пращур!

* * *

За каждою гранью — свое мирозданье.
Смотри, я сейчас поднимаю листок.
Ты видишь — под ним копошится созданье:
Стоножка? двухвостка? улитка? жучок?

За льдиной — тюлени, за глыбой — медведи,
За речкой — селенье, за стенкой — соседи,
Свое кукованье за каждой сосной,
И сердце — за каждою клеткой грудной.

Весь мир поделен на мирки, на мирочки,
Куда ни толкнись — номерки, номерочки,
Такие барьеры, такая раздельность,
Что вера невольно растет в запредельность.

... Зевали кефали, смотрели макрели,
Как в небо летучие рыбы летели —
Не то, чтобы в небо, а чуточку ниже,
Но дальше от жижи и к солнцу поближе.

С восторгом проклюнувшегося орленка
Они прорывались сквозь влажную пленку
И мчались по новооткрытым орбитам,
Подобно болидам и метеоритам.

И мне бы промчаться зазубренной тенью
Сквозь все отрицанья и недоуменья,
Сквозь все средостенья прорваться и мне бы
И рыбой, и рыбой, и рыбой – по небу!

* * *

Шагает, как военнопленный,
Журавль со сломанным крылом.
Так бродим мы перед вселенной
С неполноценным словарем.

Нельзя одним души усильем
Взлететь навстречу небесам.
Ему нужны для взлета крылья,
Нам – «Эврика!» или «Сезам!»

Блажен, кто с рвением и верой
В жизнь входит, как рыбак в ручей,
Кто с детства дышит атмосферой
Наименованных вещей.

Он из породы ванек-встанек.
Его не вышвырнет вверх дном.
Как дома, в зарослях ботаник
И в безвоздушье астроном.

Вдвойне блажен первосвященник
В броне обрядов и цитат:
Того подводные теченья
Как лжеученья не прельстят.

На всем, чего не называем,
Мы ставим крест и молвим «Нет!»
Но что же делать нам с тем краем,
Где ни обрядов, ни планет?

Где формы, первобытно голы,
Как раковины на песке,
Гудя, беседуют на полу-
Иль вовсе чуждом языке?

Там край неначатой разметки,
Там непочатый край работ...
Астросвященники – в разведку!
Первоботаники – в поход!

Как знать? А вдруг на дне колодца
Еще отыщем слово мы,
И журавлиное срастется
Крыло до траурной зимы.

* * *

Все то, что мы боготворим,
Покуда за бортом.
О нем всерьез поговорим
Когда-нибудь потом.

Когда веселая заря
Вдруг выявит сквозь дым
Все то, что мы, Бого-творя,
Из праха создадим.

Не так, как Ротшильд или Крез
Свой первый миллион,
Не из ребра, не из чудес,
Но как Пигмалион.

Не так, как смотрят сверху вниз,
А так, как снизу рвутся ввысь,
Когда больших поэтов стих
Перерастает их самих.

Когда в веках гудит строка,
Как вихрь, как пламя, как река,
О том, что в ней, в одной из строк,
Бессмертья, может быть, залог.

РАЗГОВОР О ЕЛЕНЕ КЕЛЛЕР

Ты только вдумайся: взамен
Вот этого куста сирени,
Зеленых крыш, и белых стен,
И доносящегося пенья —

Ни зги, ни шороха извне.
Но в кропотливом осязанье
Растет в кромешной тишине
Нащупанное мирозданье,

И, как цветок из темноты,
Ей раскрывается навстречу.
Так, значит, можно! Ну, а ты
С дареным зреньем, слухом, речью,

Скажи, что ты преодолел,
Чтоб свой перешагнуть предел?

* * *

Уходит осень по тропинке,
Плечами зябко шевеля.
Ложатся первые снежинки
На перелески и поля.

Вглядись: они сложны и разны
В своей кристальной простоте.
Вот эти кружевообразны,
И веерообразны те.

Все непохожи друг на друга
(Как враг походит на врага).
Зимою наметет их вьюга
В сугробы выше сапога.

Затем приблизится вплотную
К ним смертоносная весна,
Переведет их в жизнь иную,
Иноподобную она.

Сливаясь в тающем потоке,
Намек на личность утеряв,
Они покорно вступят в соки
Стволов, стеблей, листов и трав.

И затрепещут как росинки,
Встречая летнюю зарю.
А дальше – лето по тропинке
Уйдет навстречу сентябрю.

* * *

Не горюй, не горюй – ветер с юга идет,
Поднимаются реки, ломается лед,
Оставляют метели свою канитель,
И капели несут дребедень про апрель.

Над землею звезда на востоке горит.
Под землею мертвец мертвецу говорит:
«Возвращается ветер на круги своя,
Ну, а я?»

* * *

По тревоге, на весну похожей,
По совсем охотничьему зренью,
По удачам, по гусиной коже
Я тебя узнаю, вдохновенье!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Дым клубился. Строчка остывала,
Покрываясь коркой. Из глубин —
Прежде звездных — небо рассветало.
Вечер был и утро: день один.

СЛОВА

Брал их штурмом, прорывом, битвой,
Словно передний край.
Брал послушаньем, постом, молитвой,
Словно дорогу в рай.
Было и счастье – реже и проще:
Россыпи золота осенью в роще –
Думай, ходи, подбирай.

У СЛОВАРЕЙ

За пыльным томом — пыльный том,
А в них слова стоят гуртом,
Стоят в покое незавидном,
Стоят в бесплодии пустом,
Псевдопорядке алфавитном.

Стадами согнаны сюда
Из всех краев, за все года,
Стоят, не горячась, не прячась,
Но не рождает никогда
Количество в них новых качеств.

А мне б не тысячи голов —
Табун хотя бы в сотню слов
Иль просто тройку у крыльца...
Да нет! Как в песне говорится:
Чернее смоли жеребца,
Белее снега кобылицу!

Я их пущу на счастье в ночь
Пером по ожившей бумаге.
На белом черное — точь-в-точь
Скрещение — не шпаг! — двух магий.

...В степи лишь ветер, как пожар,
Земли от топота дрожанье,
Да полыханию Стожар
Навстречу рвущееся ржанье...

Ударят трижды в берег воды,
И трижды крикнут петухи,
Что нужно ждать к зиме приплода,
Что звери, люди и стихи –
Все братья, все одной породы,
Не прихоть – но закон природы,
Ее успехи, не грехи.

ОТВЕТ НА НОТУ

«...то, что принято называть
парижской нотой...»
Из статей

А ты, бедняк, я вижу, заново
Поешь о том, что мы умрем?
Поверь, что жизнь так многопланова,
В ней столько тайного и странного,
Не обреченного на слом.

Пусть кролики с глазами пьяницы
Следят в испуге, как удав
К ним ближе тянется и тянется,
А ты бы загадал желаньице,
Да помечтал бы, загадав:

«Хочу, чтоб создавало творчество
Из бунта храмы, а не храмики,
Чтоб побеждало смертоборчество
Второй закон термодинамики...»

Я на такое предложение
Твое предвижу возражение,
Что мысли эти — отражение

Моей игры воображения.
Не отрицаю. Но пойми:
Затем в бессрочное владение
Нам и дано воображение,
Чтоб приходило все в брожение,
Чтоб все играло, черт возьми!

Твое ж о смерти многослезие
Есть род трагической амнезии
(Долг поэтический забыт),
Капитуляция поэзии
Пред очевидностью (о стыд!),
Пред тем, что ведомо заранее.

...Глядим в небесное сияние,
Свои устало шепчем жалобы,
А там – в насмешку? в назидание? –
Летит крылатое желание,
Шестимоторное, Дедалово...

Желали ж люди небывалого.

* * *

Поэты атомного племени,
Мы не из рода исполинского,
Мы гибнем без поры, без времени,
Как недоносок Боратынского.

Мы тоже ищем в мире Зодчего,
Но, не желая долго мучиться,
Мы живы верою доходчивой
В идею всёведьникчемучества.

Мы тоже можем грезить демоном,
Но забываем то и дело,
Что задается эта тема нам
Не Лермонтовым, а Максвеллом.

И мы сгибаемся под бременем
Того, что быть должно бы знаменем,
Рождаясь в веке двоевременном:
Плоть – в атомном, а души – в каменном.

ОДА ЭВОЛЮЦИИ

О суета непраздная
Движения капризного:
То падая, то прядая,
То загодя, то сызнова,
То взапуски да взашеи,
То исподволь да впрохолонь,
То стежкой черепашьею,
То в поднебесье соколом!..

И тропы-то нехожены,
И цели-то неведомы,
И очень редко можем мы
Похвастаться победами –

Но через страны и века
От альфы и до ижицы,
Как в алом небе облака,
Все плавится и движется:

От мрака к свету,
От слова к фразам,
Из праха – клетка,
Из клетки – разум.

А что за этим?
Ты ждешь ответа?
Тебе на это
Мы не ответим:

Чужим словам
Доверья нет –
Попробуй сам
Сыскать ответ.

БАШНЯ

Росла – и полнился провал
В радушном небе.
И, оживая, прозревал
Счастливый щебень.

Но покачнулась башня вдруг,
Напомнив Пизу.
Ее карнизы рядом дуг
Метнулись книзу.

И та, что света быть могла
Восьмое чудо, –
Обиды, камня и стекла
Слепая груда.

Идея канула ко дну
Первичной ночи.
Ты осознал свою вину,
Неловкий зодчий?

* * *

Повисла ива у обрыва,
Где, размывая берега,
О, как поет у корня ивы
Быстротекущая река!

С какою щедрою игрою
Уносит вдаль она свое
Непостоянное, хмельное,
Поверхностное бытие!

Но за сверкающею гранью
Течет, прозрачна и черна,
Таинственнее подсознанья
Медлительная глубина.

Где ограничило движенье
Свои свободы и права
И где вода, как вдохновенье,
Целенаправленно трезва.

СЖИГАЯ ЧЕРНОВИКИ

Из перечеркнутых строк
Я разобрал едва:
«Истлеет пусть листок —
Останутся слова».

Был стих позабыт совсем,
И сколько ни вспоминал,
Я вспомнить не мог, зачем
И где я это сказал.

По-детски был честен слог,
И мысль была не нова:
«Истлеет пусть листок —
Останутся слова».

Но внял я строкам своим,
Возникшим как бы извне,
И вдруг подчинился им,
Не дал им гореть в огне,

Покуда трижды не смог
Зарифмовать сперва:
«Истлеет пусть листок —
Останутся слова».

* * *

Звезда на небе. Сколько слез и слов,
И сколько клятв, и сколько междометий,
Сердец и чувств! В течение столетий!
И сколько рифм, и сколько строк и строф!

Но и к умам ей путь открыт и прост:
Волхвы за нею шли благоговейно,
Шли мореходы... Даже и Эйнштейну
Не обойтись без неподвижных звезд.

Да, выбрать тему так, что навсегда б
Пленен был всякий – вольный или раб,
Герой иль трус, отшельник иль безбожник,

Свой замысел на полотне ночном
Осуществить единственным пятном –
Какой бы здесь не отступил художник!

ПОТОК И ЛУЖИ

Свалился ливнем с облаков,
Как падший ангел, прямо в балку,
В которой испокон веков
Наш городок устроил свалку.

Там, взбеленившись, бушевал,
Так, что земля от страха мякла,
Припомнив и девятый вал,
И у конюшен тень Геракла.

Он начисто все смыл и смел
Единым махом, без помарки,
И засверкало дно, как стол
Под тряпкой доброй куховарки.

И, пригибая край земли,
Он скрылся с грохотом вдали,
Землетрясению подобен,

А лужицы еще цвели,
Вдруг очутившись на мели
Среди промоин и колдобин.

Жаль, высохли. Они свои
Дни прожили светло и просто:
В них днем купались воробьи,
А ночью отражались звезды.

ВСТРЕЧА С ЗАРЕЙ

Подглядел — вот теперь и рассказывай
Про кудесницу, да про искусницу,
Предвещавшую дымкой топазовой
Полыханье огня в златокузнице.

Осыпавшую пылью рубиновой
Напорхнувший снежок под откосами,
Разводившую охру и киноварь,
Щеголявшую гроздью рябиновой
В светлой шали над рыжими косами.

Так сбываются в жизни пророчества,
Так свершается все, чего хочется,
Все, что было на картах разложено
И цыганкой за грош наворожено.

Говорливою, неугомонною,
Грудь в монистах, и брови подковою,
Нагадавшею встречу червонную
Мне да с дамой бубновою.

* * *

В отходящем, уже холодеющем дне
Заменись желтизна синевою!
Догори, доиграй, допылай в тишине
Над пожухшей от пыли травою!

Чем еще любоваться в смятении нам,
Кроме смены тонов и оттенков,
В мире схем, конференций, таблиц, стенограмм,
В мире партий, программ и застенков?

Где полярные льды затирают весну,
Где подсолнух поник головою,
Где голодные псы по ночам на луну
Заунывно стенают и воют?

Где сгибают в бараний, как водится, рог
Всех, кто верит и мыслит инако,
Где надеются тщетно, седеют не в срок,
Говорят невпопад... И однако

В мире тусклых надежд и бездомных собак
По утрам расцветают цветы.
И встает Будапешт. И ведет Пастернак
Разговоры с бессмертьем на ты.

Возникают живые как ртуть полыньи.
Собираются в строчки слова.
Загораются солнца. Гремят соловьи.
И асфальт разрывает трава.

ТКАНЬ ДВОЙНАЯ

Что без читателя поэт?
Он монолог (вне разговора),
Он охромевший Архимед,
Лишенный подлинной опоры.

Свидетель будет лицезреть
Явленье и поймет законы,
А яблоку нелепо зреть
Без Евы, падать без Ньютона.

Что делать – так устроен свет,
Не нам менять порядки эти:
И пол, и полюс, и поэт
Равно нуждаются в ответе.

На высший суд призвав меня,
Когда окончатся все сроки,
Мне в преступление вменят
Мной недотянутые строки.

И гневно вопросят в упор:
«К чему ты наплодил уродцев?»
Но я не сдамся на укор
И так попробую бороться:

«Я не горжусь своим стихом.
Неточен почерк мой. Однако
Есть у меня заслуга в том,
Что я читатель Пастернака.»

НА ЗАКАТЕ

С вожделеньем и с содроганьем,
Как голодный – краюхой хлеба,
Я любуюсь хвостом фазаньим,
Разметавшимся на полнеба.

Нет! То небо теряет силы,
Сколько воплей и сколько стонов!
Словно в каждом мазке – бациллы,
Словно каждый огонь – антонов.

Видишь, солнце уже повсюду
Гаснет: в море – цыганским пшиком,
На прибрежном песке – полудой,
На тропинке – случайным бликом,

На откосе – полоской ржавой,
На скале – оторочкой бурой...
О, не так ли былая слава,
Гордость наша – литература...

(Что виною – подкоп иль подкуп?
То, что было огнем и чудом,
Выдано головой на откуп
Лизоблюдам и словоблудам).

Нагло светит из-за забора
Лик луны, разжиревшей за день,
Желтым светом своим, который
Отражен, то-есть ложен, краден.

Но затмит ее облаками
И яснее станет при этом,
Что мерцает море, как память,
Фосфорическим скрытым светом.

* * *

Только руками кусты раздвину –
Небо увижу сквозь паутину
Сквозь переплет из паучьих слюнок,
Пятиугольник
Из паутинок,
Из бусинок-росинок
Замысловатый рисунок.

Здесь на опушке в солнечном свете,
Как на ладошке, все на примете:
Ветви налево, травы направо
Шепчут согласно: «Слава, слава!»
И облаков белоперых стая,
Перелетая... летая... тая...
Вдруг синевой изнутри окрасится.

Так почему ж в этой храмине синей
Муха звенит и звенит в паутине,
Как над сыпучим песком пустыни
Глас вопиющего о оазисе?

* * *

В горах куда как ерепенится
Неумудренная река,
А по лугам течет, смиренница,
Не усекая берега.

Теперь себя как ни подхлестывай,
А не вкусить уже того
Сверканья обоюдоострого,
Восторга рикошетного.

Теперь выискивай, выкручивай
Приторможенные пути,
Петляй, плутай, хитри при случае,
Плетись под зарослью ползучею,
Тоскуй под ивою плакучею,
Но как ни гни свои излучины,
Тебе от моря не уйти.

БАЛЕРИНЕ

Чтоб рассказать, как у принцессы
Горит и мечется душа,
Ты заюлила мелким бесом,
Выделывая антраша.

Нет, нет! неправда, дорогая:
Ты вся — как лилия в грозу!
Уже, меня опровергая,
Глаза, сужаясь и моргая,
Сдержать пытаются слезу!

Пляши, как пыль в луче весеннем,
И маловеру докажи:
Душа сродни телодвиженьям,
И ритм — движениям души.

(Есть связь между пера нажимом
И тайной духа моего —
Всегда меж зримым и незримым,
Как меж характером и гримом,
Найдется сходство и родство).

Пляши, как ямб в стихотвореньях,
Чтоб можно было ликовать
И помнить только о пареньях,
А о паденьях забывать:

Забыть, что зори пахнут кровью,
Что ночи прячутся в груди,
Что мы живем в межледниковье –
Льды сзади, холод впереди.

* * *

Море, холодный перпетуум мобиле,
В пену взбивающий просинь и прозелень,
Оземь швыряет волну за волной
Вниз головой.

Здесь поколение за поколением
Сплошь наказание без преступления,
И деловито в дали голубой
Стадо барашков (козлов отпущения?)
Гонит прибой на убой.

* * *

Такие в мире есть пути,
Что их кривее не найти:

Коварно коршун вьет круги,
В обход пускаются враги,
Извилистей, чем след змеи,
Поползновения твои.

Но мчат по небу облака,
Но к хлебу тянется рука,
Но верный пес бежит домой
Одной дорогою – прямой.

А благодарная снегам,
Река гигантскими шагами
Весною – прямо по лугам,
Пренебрегая берегами...

Такие в мире есть пути,
Что их прямее не найти.

У ИСТОКОВ ГОРНОГО РУЧЬЯ

Я отдаю себе отчет
В том, что сюда меня влечет:
Здесь душу лечит, не калечит,
Здесь время, замедляя счет,
Смолой камедистой течет,
Созвездья ночью искры мечут,
Со мной играя в чет и нечет –
Я знаю все наперечет.

Уже с золотоглазой мглою
Слились изломы дальних гор,
И под насупленной скалою
Покрылся розовой золою
Набушевавшийся костер.

Что это – воздух иль восторг
Рождает головокруженье?
Кто это из земли исторг –
Ты слышишь? – бормотанье, пенье,
Сердцебиенье, вдохновенье,
Незримых крыльев перешорх?

Поэт подпочвенный – ручей,
Рождаясь исподволь, незрячий,

Ощупывает суть вещей,
Течет под камень нележачий
И, окрылен своей удачей,
Выходит на простор ночей,
Где, новой одержим задачей,
Поет, бренчит, вприпрыжку скачет
И всех поит, а сам — ничей.

(Под птичий щекот на дворе
Ручей бежит иначе — немо,
Весь в янтаре и в серебре,
А дятлы клювом по коре
Телеграфируют заре
Им в недрах найденные темы).

НОЧЬ НА ВЗМОРЬЕ

Развивается цепь соразмерных причин,
Увлеченных единою целью.
Блещет небо всей мощью подвижных пучин,
Ворожа над морской колыбелью.

Отразилась луна на приливной волне,
Порожденной ее притяженьем,
Хоть не знает вода ничего о луне,
Ни луна о своем отраженье.

И волна за волной, и звезда за звездой
Набухают в просторах вселенной,
И в латунные дюны швыряет прибой
Залпы грохота, соли и пены.

Этой звездносоленою смесью дыша
И колебля пытливое пламя,
Вдаль уходит, уходит, уходит душа,
Как свеча меж двумя зеркалами.

* * *

Вчера опять меня порадовал
Закат над горным перевалом —
Я до утра потом разгадывал,
Что в небесах наколдовал он.

Он надувался алым парусом,
Взлетал, как огненное знамя,
И словно мене-текел-фаресом
По небу сеял письменами.

Но нет, не предвещал он бедствия,
И шел по облачным ступеням,
Движеньем каждым соответствуя
Души новейшим ощущеньям.

В зрачках зверей, в закатном пламени,
В сплетеньях трав, в наклонах гор
Мне стали радостные знаменья
Являться с некоторых пор:

Исчезновение зияния,
Возникновение сияния,
Преображения печать —
С какими ениями, аниями,

Звукословосочетаниями
Попытаться их сличать?

Один стою перед пророчеством –
Ни передать, ни повторить…
И страшновато одиночество,
И хочется благодарить.

* * *

Сегодня тихо на море,
Прозрачно на горе.
Вершина в лунном мраморе,
А море в серебре.

Сегодня тихо на небе,
И радостны пути
У всех, кому куда-нибудь
Случается идти.

Сегодня тихо на сердце,
И кажется, что впредь
Все сгладится и скрасится,
И примется добреть.

Такое облегчение,
Как будто бы и я
Единого течения
Послушная струя.

ОДА ЯБЛОКУ

О яблоко, хвала тебе, хвала!
Ты человечеству мерило и шкала.
Людей ты делишь на четыре рода,
И по тебе равняется природа.

Хозяин вечный, пахарь-одиночка
Уверен: яблоко есть яблоко и точка.
Любуясь яблонь розоватым цветом,
Навоз усердно возит он при этом.

Ему природа матерью бывает,
Поит и кормит, греет, одевает.

Второй владеет глиной, краской, речью
И воспевает яблочную встречу
С роскошных персей яблоневой пеной,
С богинями, раздором и Еленой.

Ему природа машет и смеется,
Пускает по миру, томит и отдается.

Плод яблони, пускай он свеж и сочен,
Для третьего источник червоточин:
Под яблоней сходились змий и Ева,
И яблоня не дерево, а древо.

Он издавна с природой не в ладу,
Зане гореть не хочется в аду.

След яблока упавшего, который
Четвертый видел в форме траекторий
Божественно-абстрактного движенья,
Стал тропкою к закону притяженья.

Четвертая – невтонова порода,
Пред ней склоняет голову природа.

МОЕЙ ГОРЕ

Содрогалась от схваток земная кора,
Рвались мышцы гранитов на части,
Прорезалась, как темя младенца, гора,
И вулканы сияли от счастья.

Ты в потугах и муках на свет родилась,
А росла как ни в чем не бывало.
Еженощно закат за отрогами гас,
И заря ежедневно вставала.

И столетья катились живым серебром,
Как ручьи по расщелинам узким
Или лани, что бродят по тропам гуськом,
Серебристым мелькая огузком.

Ты живешь незатейливо, дышишь легко,
И судьба твоя не бесталанна –
Не горюй же, что статью тебе далеко
До Эльбруса или до Монблана.

Будь собой, не печалься и не подражай –
Ты ведь тоже дитя литосферы.
Не ходи к Магомету, мышей не рожай
И чужою не двигайся верой.

БЫЛИНКА

Не имея в распоряжении
Кроме нежности, ничего,
Как приводит она в движение
Белокнижное колдовство?

Упираясь вершинкой тоненькой
В землю влажную, как ногой,
Под стотонной плитой бетонною
Выгибает себя дугой.

И оковы ее, которые
Не стащить и пяти волам,
Как в классической аллегории,
Разрываются пополам.

Есть примеры тому в истории,
А недавно и Мандельштам...

ВРЕМЕНА ГОДА

Весною рвется с гор река,
И рвутся девки в дамки,
И гром взрывает облака,
И рвут таланты рамки.

А летом светятся плоды,
И расстилаются сады,
Как скатерть-самобранка,
И млеют гордые стволы,
Как матери от похвалы,
И рвут таланты рамки.

А осенью все кап да кап,
Как из дырявой банки,
С деревьев кап, и кап со шляп,
И рвут таланты рамки.

И в листопад, и в ледоход
Веселых дел невпроворот,
Но хочется сердиться,
Когда, шалея от хлопот
Как оборвавшийся привод,
Как сор, попав в водоворот,
Бездарность суетится.

Та, что несется по черте,
Находит счастье в хомуте,
Глядит в музей или в клозет
С восторгом одинаковым,
А в общем – лишена примет,
Как абсолютный вакуум,
Как поле белое зимой,

Зимой, когда везде покой
(Лишь вьюги тянут лямки),
И в лед закована река,
И пьют вино у камелька,
И рвут таланты рамки.

УРОК БОТАНИКИ

Бутон зелено-матовый
Был взорван дивной силой,
Не темной, внутриатомной,
А зрячей, легкокрылой.

Он век ее наращивал,
Чтоб зацвести, расправясь,
Дать радость настоящему,
А будущему — завязь.

Чтоб стать по смерти семенем,
Сокровищницей генной,
И сделать смерть лишь временной
Знаменоносцев сменой.

Все рассчитав до тонкостей,
Он развернулся в утро
Всем спектром, по-ньютоновски,
От инфра и до ультра.

Он ждал благого вестника,
Как ждут поэты строчку —
Пыльцу на рыльце пестика
Или на семяпочку.

И украшал цветением,
И окружал восторгом
Акт оплодотворения –
Процесс его и орган.

Есть лексика цветочная
И точная в природе:
За словом «непорочное» –
Зачатье, не бесплодье!

Лишь мы зовем греховными
Альковные понятья
И не сочтем верховными
Любовные объятья.

Для них у нас и слов еще
Не найдено поэтами,
И путаем чудовищно,
И мямлим мы поэтому.

Спасаясь от вульгарности,
Кружим в высокопарности
Или, стыдясь сусальности,
Соскальзываем в сальности.

ВТОРОЙ УРОК БОТАНИКИ

Чтоб звездочкой лучистою
Подняться над травой,
Подперся он плечистою
Системой корневой.

И нежен только с виду он,
А так – шершав и груб.
Не даст себя в обиду он,
Колючий себялюб.

Раздувшись от тщеславия,
Он сам собою занят,
Плюет на равноправие
И только соки тянет.

Как гений самомнения
Стоит он перед нами,
И не идет в сравнение
Он с нашими отцами.

Отцы питались – измами,
Идеями своими,
И жертвовали жизнями
«За дело» и «Во имя».

Стремились к бескорыстию
И брезговали славой,
И шли, душою чистые,
На бой святой и правый.

Отцы — они радетели
О счастии народа
По нормам добродетели
Семнадцатого года.

Они рукою дерзкою
Историю творили
И нас в такую мерзкую
Историю втравили.

А у цветка — содружество:
Союз тонов и линий,
Где желтый вяжет кружево
И мечет бисер — синий.

А у цветка — решение:
Небрежность поворота,
Полета совершеннее
Иллюзия полета.

Растет себе, качается
И тянется в зенит,
С душой моей встречается,
Со звездами звенит.

Порадует он милую
Непрочною красой,
Поплачет над могилою
Небесною росой.

* * *

Я свободен, как бродяга,
И шатаюсь налегке
Там, где раньше Миннегага
Проплывала в челноке.

Где с естественною силой
В каждом камне и листке
С ней природа говорила
На индейском языке.

Та эпоха отгорела,
Облетела, как цветок,
И теперь иное дело,
Пришлый лад и новый слог.

Шпорник, заячья капуста,
Мята, дикий виноград,
Выражая свои чувства,
По-английски говорят.

Речи саксов, честной, краткой,
Не чуждается мой слух,
Но к наитьям и отгадкам
Я — увы! — в ней тугоух.

Мне родной язык роднее,
Восхитительнее всех,
Мил мне в нем и стук спондея,
И пиррихия разбег.

Я прислушиваюсь чутко,
Но никак не разберу –
То ли память шутит шутку,
То ли ум ведет игру,
То ли в голос учат листья
Речи новые свои:

«Вы откуда собралися,
«Колокольчики мои?
«В праздник, вечером росистым
«Дятел носом тук да тук.
«Песни, вздохи, клики, свисты
«Не пустой для сердца звук.
«Шепот. Робкое дыханье.
«Тень деревьев, злак долин.
«Дольней лозы прозябанье.
«Колокольчик дин-дин-дин...»

К РУССКОЙ РЕЧИ

Школярством набьешь ты оскому –
Беги, как сосед от ухи,
Скорее к родимому дому:
К просвирням, на рынок, в стихи!

На говор иди человечий,
Катись на простор просторечий,
Хиляй в воровские жаргоны,
Ныряй без плацкарты в вагоны,
В объятья вались к подмастерьям,
Под перья ложись к мастерам,
Но – кукиш ученым материям
И их очумелым пирам!

Беги академий и мумий
И снова, как прежде, во дни
Сомнений и тяжких раздумий
Свободу свою сохрани.

ОТКРЫТИЕ СТИХА

Приглядись к стиху – увидишь:
Открывается всегда,
Как шампанское, как Китеж,
Как сверхновая звезда.
И как ларчик, и как рана,
И как древняя страна,
Как обьятье – без обмана,
Как родник весной – до дна.

Кто в стихи глядит как в воду,
Открывает, окрылен,
В них случайность и закон,
Подчиненье и свободу,
Тяжкий труд и легкий звон,
Смерти смех и жизни стон,
Словом, открывает он
(Словом открывает он!)
В них явление природы.

ЭХО И ЗЕРКАЛО

(Идееподражание и дееподражание)

Николай Моршен

ЭХО И ЗЕРКАЛО

(Идееподражание и деееподражание)

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

BERKELEY 1979

МНОГОГОЛОСЫЙ ПЕРЕСМЕШНИК

Мне ближе всех из птичек здешних
Жонглер подхваченных идей –
Многоголосый пересмешник,
Тысячесвистый лицедей.

Чужие речи он счастливо
Сплетает в пении своем:
И «зин-зи-вер», и «чьи-вы, чьи-вы»,
И «пить-пить-пить», и «спать-пойдем».

Заслышав трели реполова
И козодоя стон глухой,
Он их смешает с полуслова:
Тут – козо-лов, там – репо-дой.

Фигуру ставя на фигуру,
Раскатом передразнит гром,
Прищуром на синкопе – щура,
Щегла – вокальным щегольством.

Синеть он может, как синица,
Способен, как сова, советь
Умеет выпить, петушиться,
Малиноветь и соловеть.

Он так поет не ради смеха,
А в силу свойства своего,
И есть у зеркала и эха
С ним ипостасное родство.

У каждой птицы, в свисте ль, в такте ль,
Своя задача, свой закон:
Есть птица-лира, птица-дактиль,
Но птица-рифма – только он.

ДВОИЧНОЕ СЧИСЛЕНИЕ

10 + 10 = 100

Слова сближаются, дыша
Простой и сложной симметрией:
Как *R* и *Я*, как *т* и *ш*,
Или как Марфа и Мария.

Крест-накрест спаяны в стихе
Четыре строчки и два эха,
Как в золотистой шелухе
Ядро волошского ореха.

Кто в отупенье видит пень
И тень почувствует в растенье,
В весеннем — сень, в томленье — лень,
В разладе — ад, в сближенье — жженье —

Теснее чары! За слова,
За связь, родившуюся в мире,
где 2^2, 2 + 2
И 2 x 2 = 4.

ДИАЛЕКСИКА ПРИРОДЫ

К словам я присмотрюсь,
Прислушаюсь, придвинусь –
То вижу минус-плюс,
То слышу плюс и минус.

Возьмем, к примеру, лесть
И звонкую монету:
У лести рифма – есть,
А у монеты – нету.

В небытии есть быть,
А в глухоте есть ухо,
В любить таится бить,
В аду – кусочек духа.

У каждой из частиц
Есть собственная анти-,
У лестницы есть ниц,
И Данте скрыт в педанте.

А Данте кто? Поэт!
Талант и эмигрант он,
Поэтому да-нет
Содержится и в Данте.

О СХОДСТВЕ КРАЙНОСТЕЙ
(Инверсированный спор)

Где ты не видишь разницы,
Там вижу я зарницы.
Ты ищешь повод крыситься,
А я б хотел искриться.

Ты сердишься: «Противно!
Убийство то! В острог!»
Я радуюсь: «Напротив!
То буйство и восторг!»

Ты говоришь: «Мазня!»
Я возражаю: «Знамя!»
Не проходило дня
Без спора между нами.

Друг друга мы терзаем,
Друг другу мы обуза.
Ты негодуешь: «Заумь!»
Я протестую: «Муза!»

НА ВЫСТАВКЕ

– А вот dada.
– Дада?
– Да-да.

Здесь продолжатели увешали все стены –
Не то го-го, не то ге-ге, не то Гогены.

Одни красавицы расписаны цветисто
И под ма-ма, и под ти-ти, и под Матисса.

Другие смахивают радостно и вяло
То на ша-ша, то на га-га, то на Шагала.

И есть холсты совсем загадочного класса:
Полу-пи-пи, полу-ка-ка, полу-Пикассо.

* * *

Чем синька синее,
Белее белила,
Тем радость сильнее
Логической силы.

Но серая белка
И алая роза
Для логики мелкой
Большая угроза.

А стих не боится
Зеленой черники,
И пестрой синицы,
И бледной черницы.

Он примет на веру
Цветные чернила,
И желтую серу,
И слабую силу,

Хоть смотрит с опаской
И смехом теперь
На черные краски
И красную чернь.

УХО И ЭХО

Глаз видит показуху,
А эхо слышно уху.

В стране, где много смеха,
Хохочет звонко эхо.

А там, где много страха,
Кричит и плачет ахо.

А где живется плохо,
Там горько стонет охо:

«На родине – счастье!»
– Народ... и... несчастье!

«На родине – воля!»
– Народ... и... неволя!

«Коммуну же надо! Ставьте!»
– Кому... нужен... ад? .. Оставьте!

ТАК ДА НЕ ТАК

Бродил я здесь же по горам
Под водопадный тарарам,

Валялся на траве густой
И мял альпийский травостой,

И под орехом закусил –
Ого, как он плодоносил!

А вот теперь – так да не так:
Не водопад – а водокап,
Не травостой – а траволяг,
И тот орех – плодоослаб.

ПЕРЕВЕРТЕНЬ

Один молодой писатель, которому в 1938 году было пять лет, недавно сказал мне: «Можно вам задать вопрос? Скажите, как случилось, что вы уцелели?»

И. Эренбург,
«Люди, годы, жизнь».

Я прочитал в «Эвр» статью Жионо, он писал, что «живой трус лучше мертвого храбреца».

Там же.

Икар и Азор как роза и раки:
Азору – роза,
Икару – раки.

Азор умен – ему роза,
Икар умер – ему раки.

Азор умел – ему роза,
А раки – кара.

А роза упала на лапу Азора,
А раки ели в иле Икара.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР

Лес весною суетится,
Ни минуты нет покоя,
Плещут крылышками птицы
Поднимая в нем такое ...

Всюду пары, пары, пары,
Как Психеи и Амуры:
Ахи-охи, тары-бары,
Фигли-мигли, шуры-муры.

СВОЕВОЛЬЕ?

Свое-волье? Скажите-ка,
Это чье же свое?
Растолкуйте, политики:
Наше? ваше? мое?

Революционеры,
Признавайтесь, пора ведь:
Нашеволье – для веры,
Вашеволье – чтоб править.

Нашеволье лишь термин,
Что годится для фразы,
Бьющей прямо по нервам
Массы, класса и расы.

Но как семя для поля,
Как истоки для устья,
Так в любви – твоеволье,
Моеволье – в искусстве.

АЛЬПИЙСКАЯ ВЕСНА
(Двустих)

Изукрашено небо тучками,
Как часовни – телами младенческими,
Круглопопкими, пухлоручкими
Ангелочками возрожденческими.

По откосам холсты расстелены
Непорочной голубизны,
Зелень селится по расселинам,
А вершины обнажены.

В пересвистах, и в перехлестах, и
Вперемешку, и вперебой
Соревнуются в райском воздухе
Птичий род и пчелиный рой.

...Краски гаснут, и дело к ночи,
Свет короче и тень длинней,
Лишь поток еще все бормочет,
Все знакомей и все нежней

Сквозь пороги
И повороты
О дороге...
Ну да,

ИЗ ГЁТЕ

Над горным хребтом
Тишина,
И окоём
На ложе сна
Окутан мглой;
Птичья умолкла стая.
Скоро и ты, стихая,
Сыщешь покой.

ПОЭТ, ХУДОЖНИК И ЧИТАТЕЛЬ

ПОЭТ:

Как переменны речи наши:
За шесть веков – отрезок малый! –
У нас «Не лепо ли ны бяшет»
Становится «Начнем, пожалуй».

У слов подвижны габариты,
Тона, каноны и орнамент.
Для нас дуплет «поэт-пиита»,
Как для зоологов «слон-мамонт».

Червленый обратился в красный,
Скудель дошла до каолина,
А вы все те же трете краски
И месите все ту же глину.

ХУДОЖНИК:

Но как стареют речи ваши,
Как все концы уходят в воду!
Ну кто «Не лепо ли ны бяшет»
Поймет теперь без перевода?

Скажите, разве вам не грустно,
Что труд поэта скоросмертен?
У нас подвижно лишь искусство –
Материал у нас инертен.

Не знают смены поколений
Оттенки, линии, объемы,
А слову угрожает тленье.

ПОЭТ:

Конечно: как всему *живому*.

САД И ЛЕС

Вазоны, газоны,
Запретные зоны,
Кусты по ранжиру,
Цветы для блезиру.
Тут грядки, там клумбы,
Тут гравий, там травы,
И штамбы, как тумбы, —
Равненье направо!

А лес — это схватка,
Ходынка и хаос,
И слабым не сладко
Там жить задыхаясь.

однаковнимательныйвзорвнемувидитпрелестьумаистрогостьлюбви

Однако внимательный взор в нем увидит прелесть ума и строгость любви.

Однако внима-
тельный взор в нем уви-
дит прелесть ума
и строгость любви.

НОРМА БРАКА

Нравится нам или не нравится,
Но у этой задачки
Есть *классическое* решение:
Из девицы, красавицы,
Душеньки, девушки, певшей в церковном хоре,
Получается вскоре
Прекрасная пиковая дама с собачкой,
Приятная во всех отношениях.

СБИВШЕМУСЯ С ТРОПЫ

Когда на выжженной скале
Ты встретишь ночь в упор
И холод спустится — во мгле
Раскладывай костер.

Клади в него весь мох сперва,
Которым ты оброс,
Все палки, что из озорства
Совал промеж колес;

Все щепки, что летели врозь,
Когда ты лес рубил,
И сучья все, что на авось
Ты под собой пилил;

Сор из избы (хоть и давно
Ты выносил его),
Труху из сердца и бревно
Из глаза своего.

РОЖДЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Ветер поземкою поднял песок,
Свистнул в расселину наискосок,
Чайки заахали наперебой,
Грохнул о берег трехрядный прибой.

Умыслом? случаем? самое лучшее
Создано было из шума трезвучие.

Эта удача едва отзвучала,
Поиски начало море сначала.

МУЗА

Полуявь, полусон,
Полумысль, что спешит окрылиться,
Воркованье, и клекот, и стон
То ли горлицы, то ли орлицы.

Не жар-птица ль ко мне
За иванство мое, за дурацтво?
Или лебедь всплыла на волне,
Чтобы в девицу расколдоваться?

Эту жаркую грудь,
Эти руки, и плечи, и крылья
Приголубить, замкнуть
В обладанье, в усилье, в насилье,

Чтоб из губ ее стиснутых
Рвались жалобы строчек
Соловьиными свистами
В воробьиные ночи.

В ПЯТОМ ИЗМЕРЕНИИ

Проецируя себя в пятое измерение,
Я оглядываюсь на четырехмерный мир
И вижу ночное небо, ставшее
(Почти как в парадоксе Ольберса)
Сплошь серебряным от бесчисленных
Спиралей звезд, в центре которых
Блещет крошечный диск,
Вытоптанный у полюса
Полярной звездой.
И вижу дневное небо, ставшее
От широких мазков Солнца
Наполовину огненным –
Цвета золота в лазури.

И я вижу себя – всех вместе:
Настоящего, прошедшего, давнопрошедшего...
Ибо я – это не я, а мы:
Скромный Град друзей,
Занятых тихой беседой.
(А если бы я менялся каждый день,
То был бы заурядным
Провинциальным городом
Тысяч на двадцать жителей;
А меняйся я еще чаще –

Каждую секунду или долю секунды —
Я был бы ордою младенцев, детей и взрослых,
Или шумной столицей, или даже
Небольшой однополой нацией
В несколько миллионов человек.
И это было бы очень грустно,
Потому что беседовать сам с собой
Я должен в тесном кругу,
Понимая друг друга с полуслова.)

И я вижу, что начала и концы
В псевдоевклидовом пространстве —
Это лишь мнимые координаты
На времениподобной оси;
И каждое я — это мы,
И каждая былинка — это поле,
И каждое дерево — это лес,
И каждая особь — это вид.
А все то, что называют
Полем, лесом, нацией,
А также видом, родом, семейством и так далее —

Это сверхорганизмы, сверхособи,
Образующие в свою очередь
Под лазурно-серебряно-огненным куполом
Сверхград друзей, над которым вьется
Зелено-желто-белое
Знамя природы.

Но дальше, душа моя, дальше!

БЕЛЫМ ПО БЕЛОМУ

Зима пришла в суровости,
А принесла снежновости.

Все поле снегом замело,
Белым-бело, мелым-мело,
На поле снеголым-голо,
И над укрытой тропкою,
Над стежкой неприметною,
Снегладкою, сугробкою,
Почти что беспредметною,
Туды-сюды, сюды-туды
Бегут снегалочьи следы,
Как зимниероглифы,
Снегипетские мифы.

В лесу дубы немногие,
Снеголые, снежногие.
Висят на каждой елочке
Снегвоздики, снеголочки.
И снеголовая сосна
Стоит прямее дротика.
Сугробовая тишина.
Снеграфика. Снеготика.

ЛИРИДЫ. ДЕВЯТАЯ ЗВЕЗДА

От напора и задора
Небо яростно искрит:
Это мчатся метеоры
Из содружества Лирид.

Есть примета иль преданье:
Коль звезда летит в ночи,
Загадай скорей желанье,
А промедлишь – не взыщи.

Я гадал не по примете,
Я по-своему гадал,
Что несут мне звезды эти
Без концов и без начал.

Первая – алмазы в ней, но...
...рая – горстью серебра...
...тья – со всей прямолинейно...
...вертая – дугообра...
...тая, без золы сгорая...
...стая строчек беззабо...
...мая ритмы и нечая...
...мая звездный разнобо...

А затем, как вдохновенье
(Мельк... ищи-свищи его!),
Озаренье, точка зренья,
Колдовство и мастерство:

Кратковременное чудо,
Длиннохвостая звезда,
Что пришла из ниоткуда
И умчалась в никуда.

ПОИСКИ СЧАСТЬЯ
(Двустих)

Ты счастья ищешь, душа моя,
Не хлопочи же о букве «я».

Где Я выходит на первый план,
Там только скука, туман, обман:

рождение — Яйцеклетка
жизнь — Ярмо
любовь — Яд
смерть — Ящик

А там, где я на заднем плане,
Есть или счастье, иль обещанье:

Рождение — воля
Жизнь — стихия
Любовь — семья
Смерть — вселенная

Но в сердце трезво сверлит червяк:
Зачем так сложно смотреть, чудак?
Подходы к счастью просты, легки —
Надень лишь

РОЗОВЫЕ ОЧКИ

Ура! Вся жизнь увита розами!
Нас угощало детство роз-гами,
А зрелость встретила нев-розами,
И старость чествует скле-розами.

Как все прекрасно в свете розовом:
Война чарует нас уг-розою,
Преступник — черепом ломб-розовым,
Свободный стих — махровой п-розою.

Я тешусь дымом папи-розовым
И под луною купо-розовой
Перед проклятыми воп-розами
Торчу счастливцем стое-розовым.

РАЗДВОЙНИКИ́
(Двустих)

А жаль, что я с детства не вел дневника —
Ведь вы ни за что не поймете,
Как я потерял своего двойника,
Когда, на каком повороте.

У Черного Лога
Развилка была —

Налево Направо
Дорога Дорога
Его Меня
Увела. Увела.

Себя ощущает он
Всечеловеком
И твердо шагает он
В гору за веком:

По кварцам и сланцам —
Баварцем, исландцем,
По голым гранитам —
Монголом, семитом,
По гнейсам и шпатам —
Индейцем, хорватом...

Как вдруг,
Беспричинно —
Не то, чтоб кручина,
Но злость на разлуку,
И хочется знать,

На улице древней
Ни сна, ни огня,
Лишь память иль ставня
Стучится в окно.

Пусты подворотни,
Подъезды пусты,
Бесплотны предметы,
Безмолвна листва.

За домом иль храмом
Упала звезда,
Как шляпка, отломан-
Ная от гвоздя.

И хочется руку
Себе же подать...

Когда же друг друга мы встретим опять?

СТАНСЫ

I

Начало в духе Молешотта:
Живая клетка — это код
Из углерода и азота
Плюс водород и кислород.
Жизнь в клетке — слышали не раз мы —
Сулит покой для протоплазмы.
Брр... Человеку ль быть садком
Для размноженья хромосом!
У клетки рабская привычка:
Не уважая ремесло,
Труд обрывать на полусло...
Смерть в клетке — вот и заковычка!
Но где найти прочнее код,
Чем сей азото-угле-вод?

II

Давайте вспомним не тоскуя
(А все-таки — как сжало грудь!):
Зима! .. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Есть за плотиною местечко...
Онегин едет к Черной речке
И с ним французский мелкий бес —

Нет, не Гильо – monsieur Dantes.
Смертельный различили звук вы,
Когда сверкнул граненый ствол,
Который цель свою нашел,
И *пуля* – не четыре буквы,
А три золотника свинца –
В брюшину шмякнулась певца?

III

Убит! .. Но в ното-букво-слове
Живет не клетка, а строфа:
...Что день грядущий мне готовит...
(До-си-ля-соль-фа-ми-ре-фа...)
Ее проткнуть попробуй пулей!
Уж пробовали... Черта в стуле!
Ее двусложный код иль ход
Как бы над временем живет.
Он сохраняет постоянство,
Он не пропал, он вечно пан,
Он вхож и в высший, в райский план,
И в многомерные пространства,
И в отвлеченные миры
Для продолжения игры...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛАСТОЧКА

Смотри, как радостно и просто
К закату ласточка ведет
Свой белогрудый, вилохвостый
Исследовательский полет.

Она воздушный лепит замок,
И рыщет в поисках звезды,
И птичьих аэродинамик
Усовершенствует плоды.

На ней, как на искомой точке,
Подобно трем прожекторам,
Скрестили огненные строчки
Державин, Фет и Мандельштам.

Задетый приближеньем ночи
Багряный падает листок,
Склониться ниже колос хочет,
Созревший щелкает стручок –
И осень видится воочью
Как завершенье, как итог,
Как строк и ритмов средоточье:
Китс, Боратынский, Рильке, Блок...

Стихом пронзает человечий
Зигзаголоволомный ум
Земли явления и вещи,
Молчанье звезд и моря шум.

Но что у нас в наш час осенний
Единый вызывает вздох?
Лирического тяготенья
Где высший центр для всех эпох,
Омега всех пересечений?

Жизнь? смерть? любовь? Быть может, Бог?

* * *

Есть подсознанье. В эту тьму
Во сне спускаемся мы просто.
Есть надсознанье. Самому
К нему нащупать можно доступ.

Но только млечный свет с небес
Упав на голое страданье
Ведет не в под-, не в над-, не в без-,
Но в область вне- и сверхсознанья.

ВЕСЕННЯЯ ШАРАДА

Повторяющимся чудом
Кажется круговорот:
Погребенное под спудом
Воскресает, что ни год.

Оживают в формах прежних
Корни трав и корни слов.
Глянь-ка: живо-кость, под-снежник,
Водо-сбор, боли-голов.

Чаро-действом перво-бытным
Занимается заря:
Небо стало оче-видным
Тлению благо-даря.

НЕДОУМЬ — СЛОВО — ЗАУМЬ
(Тристих)

Дыр-бул-щыл

Меня возьми да надоумь
Пичужка, как это ни странно,
Что горемычна недоумь,
А заумь гореотуманна.

Я с дыр-бул-щылом шел в руках,
Не то поэт, не то читатель,
Но все равно — шел в дураках,
Глядь —

По березе прыгал дятел,
Красной шапочкой качал,
Словно лодку конопатил,
Во все щелочки стучал.

Мы с ним спелись для дуэта:
Отбивал он *так* и *ток,*
Я проворно в схему эту
Подключал за слогом слог.

У него была сноровка
(Да и я ведь не простак!)
Выходило очень ловко,
Приблизительно вот так:

То *так,* то *ток,*
*Так*ов мой *так*т –
Мас*так,* зна*ток*
*Так*их *ток*кат.

Вот теперь не бестолково
Получалось у него:
Недоумь рождала слово
Через наше озорство.

Вдруг фырх-порх – и горя мало!
Вот и кончился дуэт:
Птичка Божия не знала,
Что она полу-

ПОЭТ

В начале было Слово

До всех эонов, эр, эпох
Весь мир был в Слове – тот и этот,
И Слово означало – Бог:
Начало, замысел и метод.

Но по законам естества
Тяжелой плотью стало Слово,
И ты явился в мир, чтоб снова
Перековать его в слова:

На человеческий язык
Речь духа переводит лира,
На недоумь – звериный рык,
На заумь –

СОТВОРЕНЬЕ МИРА

Е равно эм-це квадрат

В начале было Слово там:

СЕЗАМ

Крутой замес бродил в сезаме,
Змеясь, жило в нем словопламя,
Формировался звукоряд,
И проявлялись буквосвойства:

СЕЗАМ
АЗ ЕСМь
АЗ Е = МС^2

Сезаумь, откройся!

ПРОБА ПЕРА

Птенчик оперился. Значит, пора.
Так начинается проба пера.

Проба пера — это проба крыла:
В воздух, как в омут, была не была.

Проба пера — это ай да полет,
Красносмотрителен и желторот!

Проба пера — это поиски сфер,
Где кругозору родня глазомер.

Проба пера — это проба беды,
Проба судьбы от гнезда до звезды.

НА УЩЕРБЕ

Плетется мокрый листопад
Растрепанным краем.
Листья шелестят:
– Опадаем...

По небу тянут журавли,
Конца нет их стаям.
Слышится вдали:
– Отлетаем...

Молчок – певцам, горланам – тишь,
Типун – краснобаям.
Сердце, что молчишь?
– Остываем...

С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

Даже бежавшему, жутко рабу
Перешагнуть вековое табу,

Но не могу не поставить всерьез
Музу и душу гнетущий вопрос:

Если невольника правнук-рапсод
Первенца в рабство опять отдает,

Если народ забывает про это
Рабское (барское?) дело поэта

И упивается снова и снова
Самодовлеющей вольностью слова,

Клио, скажи мне, куда забредет
Спутавший слово и дело народ?

ГИГАНТСКАЯ СЕКВОЙЯ

Убегу от беглых взглядов
В пристальную тишину,
У корней твоих прилягу,
К родникам твоим прильну.

Может быть, в подземном вздохе
Уловлю, как ты давно
Проросла из бурой крохи,
Что с горчичное зерно,

И нетленную колонну
Жаропрочного ствола
Мощью небоустремленной
Над землею вознесла –

Купиной неопалимой
В блеске солнечных лучей
Над юдолью, над долиной,
Где слезу точит ручей.

Но с величием секвойным
Устремляясь в синеву,
Ты внизу настилом хвойным
Душишь малую траву.

И ответа на вопрос ты
Мне покуда не дала:
Как ушла ты в небо просто –
Не познав добра и зла?

ЗЕЛЕНЫЙ РЕНЕССАНС

Потемнела за зиму
Дряхлых елей празелень,

Но светла за озером
Юных кленов прозелень.

Блеском хризолитовым
Залиты кусты,
Трепетом нефритовым
Тронуты листы.

Так и льется в жилы им
Зелено вино,
Зельем хлорофиловым
Все пьяным-пьяно.

А за примаверою
Хлынули в леса
С зеленушкой первою
Птичьи голоса.

И, рожденный заново,
Все разрисовал
В духе птициановом
Старый Грюне-Вальд.

Молодо и зелено
Птичий лад и такт
Заливает трелями
Яшму и смарагд.

Свиристеньем полнится
Темный изумруд,
Песни вешней вольницы
Долго не замрут:

Щебет и чириканье,
Фьюить и тюр-люр-лю,
Щелканье и кликанье –
До чего люблю

Гласные, согласные
Птичьих голосов,
Зелень разномастную
Смешанных лесов!

ПУЩЕ НЕВОЛИ

Белое облако, белое облако,
Тая, крадется
От облика к облику,
От блика к блику,
От лика к лику:

Было облако яблоком,
Стало облако зябликом,
Бубликом, бабочкой,
Баобабом, белочкой,
Обелиском, отблеском,
Столбиком, стебель-ком,
Оболочкой и комком*
Белобоким колобком...

Пока настигнешь эти облака,
Они стократ успеют измениться,
И вечно будет форма далека
От той, что коченеет на странице.

---

* Стебель растаял – остался ком,
Два таких облака
Слили два облика,
Стали одним ком-ком.

Откуда ж мне, к чему мне эта страсть —
Уж не охотничья ль? — как выстрелом — оленя,
Стихом заставить
на колени
пасть
Мгновенье?

ЛИНИИ. ГЕОМЕТРИЯ ПРИРОДЫ

Стала четырехмерность — объемностью синею
И доступной трехмерному зрению вся.
Прорезают ее перекрестные линии,
Пере-пле-пере-та-пере-ю-щиеся.

Ветвятся плети, струя змеится,
Плетутся ветви, змея струится:

Яд быстр,
зуб остр,
Пестр блеск,
зол зрак,
Раз-рез
рас-кос,
Шур-шит
зиг-заг.

Стройность вольных пары елей,
Стройно-ствольных параллелей.

Птицы и листья кружатся по-разному,
Но в их спиралях есть нечто и сходное:
Разнообразнообразнообразное
И однороднородноhouseholdродное...

Линия изло-
манная обры-
вистая у скло-
на крутой горы

внизу идет пологою
шоссейною дорогою.

Жизнь эти линии делит и множит,
Вычтет расчет и прибавит мечту,
Смерть – подведет гробовую черту
И наши действия все подытожит.

Вижу реку на ладони долины я:
Тянется, воду живую неся,
Линия жизни – длинная-длинная,
С-а-м-о-п-о-д-д-е-р-ж-и-в-а-ю-щ-а-я-с-я...

ПОЭТИЧЕСКИЙ МУТАНТ
(Тристих)

Он любовался цепочкой бензоловой,
Позднею ласточкой, солнечным зайчиком,
Осью незримой. Ломал себе голову
Над пресловутым замочком-сезамчиком.

Не был он, в сущности, правдоискателем –
Был он природы восторженным зрителем,
Вот и не сделался бытописателем,
Сердцещипателем, нравоучителем.

В толще безликой был меченым атомом,
В стане наземном – межзвездным лазутчиком,
И подбирал он к замочку заклятому
Слово за словом, как

КЛЮЧИК ЗА КЛЮЧИКОМ

Жизнь – это бред. Нет, лучше: клад.
Нет, лучше: вздох и дух.
Смерть – это рай. Нет, лучше: ад.
А может быть – лопух?

Строптиво-нежная, желанная,
Голубовато-окаянная,
Неукротимая и вечная,
Бесцеремонно-бессердечная...

Гадая, силой не сломить ли нам,
И прибегая к существительным,
Мечтая, хитростью не взять ли нам,
И убегая к прилагательным,

Приходим по путям исхоженным
Как раз к тому, с чего и начали,
Но не хотим спросить – вольно же нам! –
А лучше будет

НЕ ИНАЧЕ ЛИ?

Есть объяснения несложные –
Антроположно-биоложные;

Есть доводы диалекосные
И догматы религирозные;

В науке – формулогарифмы,
В литературе – говорифмы,

А в общем – скука и тоска!

Но есть предчувствие:
Пока
Мы цепенеем над учебником,
Природа ходит ходуном,
Беременная словолшебником,
Каким-то логиколдуном.

ЛЕСНАЯ ОПЕКА

Я, как нищий, здесь уныло
Шел с протянутой душой –
И осина уронила
Прямо в душу – золотой.

Шел, в земле считая щели,
Шишки, трещины судьбы –
И парчой тропу одели
Огнелистые дубы.

Шел с поникшей головою,
В слабостях себя виня, –
И гигантская секвойя
Грудью стала за меня.

Перелистывали клены
Многотомный свод небес...

Под защиту ли закона
Взял бродягу-ветрогона
Свободолюбивый лес?

Или с чувством превосходства
Шубой с барского плеча
Он пожаловал сиротство
Горемыки-рифмача?

Или за служенье слову
Новосела окружил
Верноподданной любовью
Бессловесный старожил?

НА ПРИВАЛЕ

«...и льется грусти беспричинной
квазилирический поток.
Как говорится, будь мужчиной!
Стихи не носовой платок
для слез над собственной кончиной.

Грусть хороша для ширпотреба,
но самобытен и кремнист
веселый путь, ведущий в небо», —

сказал мне старый альпинист.

ВОСПАЛЕНИЕ ЗРИТЕЛЬНОГО НЕРВА

И как будто в глаза сыпануло песком,
Так смутило меня этой штукой:
Красна девица сделалась синим чулком,
Сине море – зеленою скукой.

Привязался ко мне дальтонический дух,
Проповедует инообразье:
Синей птицей мерещится красный петух,
Белый свет – семицветною грязью,

Чистым золотом – серое слово тупиц,
Красной нитью – дорога в тумане...

Может быть, отказаться от вещих зениц
За соблазн исказить мирозданье?

РЕКА ПЕРЕД ВОДОПАДОМ

За триста метров до броска,
С отчаянностью постепенною
Здесь ускоряется река,
Как ускоряется вселенная,

В которой, выпав из игры
На роковые траектории,
Вдруг ускоряются миры,
Как ускоряется история,

В которой кругооборот
Попрал законы сохранения
И ускоряется разброд,
Как ускоряется вращение,

В котором кружатся века,
Дробятся брызгами события
И в пропасть рушится река –
И не остановить ее.

ЗАКАТ

Дивишься краскам жутковатым,
Воспламененным облакам, –
И попадаешь в плен к закатам,
Как попадают в плен к стихам:

Пленясь багровой светотенью,
Ее победу славя, ты
От изумленья к вдохновенью
Летишь, не чуя темноты.

Но терпишь ряд усекновений,
Когда застигнет ночь врасплох:
От светотени – только ...тени,
От вдохновенья – только вдох...

И от победы – только ...беды,
От изумленья – только ..лень...
Тьма с топором идет по следу
Добить кровоточащий день.

И на нижайшем небосклоне,
Где свет укрылся до поры,
Как для молитвы – две ладони,
Вот-вот сомкнутся две горы.

ВОЛНЕНИЕ

Вижу, откуда у моря взялась
С женщиной пенорожденная связь,

Как закипевшие воды плодят
Светлых русалок и смуглых наяд

И от скрещения волн и лучей
Краски рождаются женских очей:

Где за персидской княжны бирюзой
Кобальт и золото кельтских Изольд,

Ярь с купоросом тирренских сирен,
Зелень парижская легких Мадлен,

Ляпис-лазурь финикийских богинь,
Прусская синяя бурных Брунгильд,

Польских Марин, русских Марин
Аквамарин, ультрамарин...

ВОЛЧЬЯ ВЕРНОСТЬ

Вольных пасынков рабской земли
Мы травили — борзыми, цианом,
Оплетали — обманом, арканом,
Ущемляли — презреньем, капканом,
Только вот приручить не могли.

Перелязгнув ремни и веревки
Или лапу отхрупнувши, волк
Уходил от любой дрессировки,
Как велел генетический долг.

Ковылял с холодеющей кровью,
С волчьим паспортом, волчьей тропой
Из неволи в такое безмолвье,
Где хоть волком в отчаянье вой.

Чтоб, в согласии с предначертаньем
И эпохе глухой вопреки,
Волчьим пеньем и лунным сияньем —
Волчьим солнцем своим! — одурманен,
В волчью яму свалиться с сознаньем
Обреченности, тайны, тоски.

Иль за обледенелою кочкой
Затеряться в российских снегах,
Околев с недоглоданной строчкой,
Словно с костью в цинготных зубах.

ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ

О нет, я зверь иной породы,
Какой я, к черту, царь природы!
Я — часть ее: в уменье — ум,
В ее особенностях — особь,
В ее способностях я — способ
Цель выбирать не наобум.

Я только часть, я — частный случай,
Я — слог (нелепый и колючий,
Как все, что ново и остро),
Я только «Ба!» в ее забаве,
Я только «ржа» в ее державе,
В ее устройстве только «стро-»

Теперь я стал начальным слогом
И стану словом — стройным, строгим,
Порой — строптивей, чем оса,
И стану строить, сознавая,
Что строчка для строфы — кривая,
Взлетающая в небеса,

Что мною — словом петушиным! —
Природа ищет путь к вершинам,
Ей не дававшимся досель,
Что бес вселился в бесконечность,
Но в человечности есть вечность,
А в счастье — часть, и в целом — цель.

ОТ АСТРЫ К ЗВЕЗДАМ

Пока не перешел на ты
Со здешней флорой,
В анфас я одобрял цветы
И в профиль – горы.

Хвалил, разборчивый эстет,
В платане – ствол, в каштане – цвет,
В секвойе – рост, в орехе – плод,
Но не умел наоборот.

А побратавшись, полюбил
Землетрясенье и навоз
И понял роль подземных сил
В созданье выигрышных поз.

Когда земле в противовес
Хребты и травы перли ввысь,
Я ахнул: это роль небес
И без нее не обойтись!

И, как Ньютон или Кулон,
Открыл в рождении стихов
Кибернетический закон
Взаимотяготенья слов.*

И, в хаосе почуя связь,
Я в космосе нащупал ось
И с той поры живу смеясь,
А следовательно, всерьез.

*Сила стиха прямо пропорциональна произведению слов и обратно пропорциональна квадрату расстояния поэта от темы (Закон Моршена).

ПРИМЕТЫ
(Загадочная картинка)

Герман возвратился в свою комнату, засветил свечку и записал свое видение.

– Атанде!

– Как вы смели мне сказать *«атанде»!*

– Ваше превосходительство, я сказал «атанде-с!»

(Конец 5-й и эпиграф к 6-й главе «Пиковой дамы»)

Ты по долине или по лесу
Шагаешь весело и вольно,
Не ожидая, что наколешься...

А лес и дол видений полны!

И в них мерцают, сокровеннее,
Чем огоньки во тьме погоста,
Такие предостережения,
Которые читай не просто.

Смотри, как норки в корни прячутся,
Тая зверье от посторонних!
Ты должен в чтенье насобачиться:
Все звери здесь – не проворонь их!

Увидишь ласковые челюсти,
Услуг медвежьих вереницу,
Увидишь, пасть какая щерится,
Кто там рысит, а тут змеится,
Кто пресмыкался и возвысился,
Кто волком выл, кто – козлетоном,
Кто съежился, а кто окрысился,
Кто осовел в дупле бессонном.

Раскусишь весточку кукушкину:
«Пора, мой друг, с землей расстаньтесь!»

...Но так и не открылось Пушкину,
Чье имя спрятано в *«атанде-с!»*

Ата́нде – вышедший из Франции и обрусевший термин азартной игры, в значении: «Воздержитесь! Не делайте ставки!»

КУСТЫ НАД РЕКОЙ

Река течет за косогор,
С собой уносит разный сор,
Нефтеотходы, масло, клей
И прочие дела людей.

Сквозь эту дрянь отражена
Кустов зеленая стена,
Они в нее глядятся все
В мечтах о собственной красе.

И то сказать: на вкус и цвет
Ни здесь ни там пророка нет,
И всяк своей красе судья —
Моя не хуже, чем твоя!

Для дикаря кольцо в носу
Являет высшую красу,

Клянется критик в красоте
Всех тру-ля-ля и те-те-те,

Прекрасен с мужней стороны
Живот беременной жены,

Гроссмейстер весь дрожит, грозя
Корректной жертвою ферзя,

А математик a + b
За образец берет себе.

Верлен уверен, что слова
Должны чуть-чуть недогова...

А я точней точу свои:
Точь-в-точь как точечки над i.

ЮРОДИВЫЙ

Помилуйте, разве это не сумасшествие по целым часам ломать голову, чтобы живую, естественную человеческую речь втискивать, во что бы то ни стало, в размеренные рифмованные строчки. Это все равно, что кто-нибудь вздумал бы вдруг ходить не иначе, как по разостланной веревочке, да непременно еще на каждом шагу приседая.

Салтыков-Щедрин

Я по веревочке прямой,
То приседая, то хромая,
Шагаю в рифму, как домой:
Евклид учил меня: «Прямая...»

То рифмы из травы беру
И, как дрова, их разбираю:
Одна придется ко двору –
Ложится рядышком вторая.

То, ветер слушая, пишу,
То – реполова-краснобая,
То просто рифмами дышу,
Их выдыхая и вдыхая,

Как на душу положит Бог,
И забывая об Евклидах:
Где рифма покороче – вдох,
А там, где подлиннее, – выдох.

Из «cogito, а значит sum»,
Извлек я истину простую:
Чудить способен только ум –
Рифмую, ergo существую.

ПОСЛАНИЕ К А. С.

No taxation without representation!

Пишу к Вам, дорогой А.С.
В разгаре яростных сомнений.
Приобретает горький вес
Вопрос о смене поколений,
Вопрос тюленей и оленей,
И в нем не разобраться без
Нелестных, может быть, сравнений.

Вы — наш национальный гений
И, следовательно, в себе
То воплощаете начало,
Что нас от прочих отличало
И русской свойственно судьбе,
Как кол и на колу мочало.

У Вас меня всегда смущала
Недооценка громких прав,
Восторг пред силою державной,
Презрение к свободе явной
(Им вечно тешится бесправный,
Свободу тайную избрав).

Простите, если я не прав,
Но полстолетья роковые
Национал-гемофилии
Отбили к силе аппетит,
И от «Клеветникам России»
Меня давно уже мутит.

Открылся новый смысл и вид
У слов старинных «Кремль и Прага»
От них кровоточит бумага,
И пламя Палаха горит,
И ощущает боль и стыд
Родство припомнивший бродяга.

Какой глагол в нас говорит?
Откуда страсть к свободе тайной?
Талант ли это наш случайный,
Что от распада уберег?
Закономерный ли порок
В котором лишь тиранам прок?
Вы ей отдали предпочтенье,
И находило в ней спасенье
Мое тюленье поколенье,
И к ней воззвал с тоскою Блок...

Но здесь меняется мой слог
(Не от любви ль к иной свободе?).

На днях, шатаясь на природе,
С новейшим спиннингом в руке
Я к бурной подошел реке.
А там, в тени листов зеленых
Стоял за камнем у куста
Новорожденный олененок,
Малыш на ножках удлиненных
Чуть больше Вашего кота.

Я сделал шаг назад – но поздно:
Он испугался тени грозной
И прямо в речку сиганул,
Ушел под воду с головою,
Проплыл два метра под водою
И выплыл... и опять нырнул...

Вообразите три страницы
Мной не написанных стихов –
В них так эффектно говорится,
Как он уплыл и был таков!
Как от порога до порога
Его промучила дорога,
Как, чуть живой, в конце концов
Он вышел, выплыв в тихий ерик,
На противоположный берег.

Свобода тайная? Бог с ней!
Я славлю явную свободу
И для зверей и для людей –

Девиз Америки моей,
В которой, не спросяся броду,
Соваться каждый может в воду.

Привет Рылееву и всем.

До скорой встречи.

Ваш Н.М.

P.S. Хотел Вам принести сравненья,
А приношу лишь извиненья —
Забыл! Как вышло — не пойму.
Но под конец, быть может кстати,
Я вспомнил об одной цитате,
Сравнив ее с собой, считайте
Вы их эпиграфом к письму:

Флаг развернув за мостом деревянным,
Там, где катился поток весной,
Фермеры стали с оружъем, и грянул
Выстрел, потрясший весь шар земной.
Р.У. Эмерсон (1836)

Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги...
А.С. Пушкин (1836)

В МИНИАТЮРЕ

Послав друзьям заоблачный привет
И распростясь с иллюзиями всеми,
Лечу, лечу за тридевять планет
Я к тридесятой солнечной системе.

И за кормою астрокорабля
Сужается российская земля,
Сжимается в земельку и в землицу,
На ней мелькают личики, не лица,
В журнальчиках хвалебные стишки,
Психушки, вытрезвилки, матюжки –
Язык, и тот стремится измельчиться.

Все норовит бочком или ползком
И, уменьшаясь, делается плоским:
Рай коммунизма кажется райком,
В пороховницах порох – порошком,
Народный глас – неслышным голоском,
А если слышным – только подголоском.

Державные вскипают пузырьки,
Да булькают военные страстишки,
В штабах бодрятся красные флажки
(Солдатики сражаются в картишки),

И чьи-то в речки валятся мостки,
И пехотинцы движутся, как пешки,
И города летят, как городки,
И головы чадят, как головешки.

Ну да: при удалении таком
Масштабы изменяются настолько,
Что русский дух становится душком
И русский Бог становится божком,
А доля русская – общеимперской долькой.

Ликую? Нет: скорее, трепещу.
Мельчаю? Да: я съежиться хочу
И вот уже не с верой в постоянство –
Лишь с родинкой на памятке лечу
В чужбинищу свободного пространства.

СЕМЬ ЧАСОВ БЕЗ СНА

1

Вращался звездный циферблат
Над беспокойною рекою,
От Водолея до Плеяд
Весь мир движеньем был объят,
Скакал Возничий, плыл Дельфин...
Улегшись навзничь, я один
Был в относительном покое
И слушал, как едва-едва,
Рождая шорохи равнин,
Американская трава
Росла сквозь русские слова.

2

Плескались Рыбы в омутке,
А звездный циферблат вращался,
И, как мустанг, Пегас брыкался,
Плыл Лебедь, не меняя галса,
Стон козодоя вдалеке —
В кустах иль в детстве — раздавался
И что-то сердцу говорил,
Но по-английски: «Whip-poor-will».

3

Парил Орел легко и грозно,
Свивался кольцами Дракон,
И циферблат вращался звездный,
А я, хотя и Скорпион,
Лежал здесь, на Змею похожий,
Не сбросив старую свою,
Но прорастая новой кожей
Сквозь прежних мыслей чешую,
И видел, осознать не смея,
Как превращалось в дабль-ю
Былое М Кассиопеи.

4

Быть может, небо надо мною
Менялось, может быть — мой взгляд,
Но чудилось мне все иное.
Вращался звездный циферблат
Уже четвертый час подряд,
И пахла хладною развязкой
Трава, мокрея без дождя:
Из края в край переходя,
Я ощущал себя Аляской.

5

К рассвету дело шло, как будто,
И можно было бы вставать,
Но тьма сгущалась почему-то,

Как будто время в ту минуту
Внезапно повернуло вспять
И, подгоняемое темью,
Переходило в антивремя,
Где все начала и концы
Сближались, словно Близнецы,
Где я, глазам своим не веря,
Узрел в пространстве надо мной
Под кровлей хижины одной
И дядю Тома, и Лукерью.

6

А на Весов незримых чашах
Лежали страны в вышине,
И чаша низких истин наших
Клонилась медленно ко мне.
Я видел, лежа на спине,
Колеблющегося Денеба
В развилке Млечного пути,
Гадавшего: куда идти?
Мерцавшего: причалить где бы?
Но тут, как на востоке небо,
Вдруг сердце дрогнуло во мне,
Когда, напрасней, чем Кассандра,
Заря напомнила без слов
Нелепо пролитую кровь —
Линкольна? или Александра?

7

Пар поднимался над рекою,
Где я в покое ночь лежал...
Что я сказал? Лежал в покое?
Нет, не лежал: я в ночь бежал
К бледнеющей, но звездной Лире,
Где воздух чище, небо шире
Без Солнца бешеных лучей,
Курящих фимиам туманов,
Нас возвышающих обманов,
Патриотических романов
И графоманов-палачей.

Не свой и не чужой: ничей
Я на Земле, как труп, лежал.

Запели птицы. Бог смолчал.

В НАЧАЛЕ, В СЕРЕДИНЕ, В КОНЦЕ

Поэзия кончается не там,
Где изощряют подражанья
И звуки льют с водою пополам
В припадке стихонедержанья.

Поэзия кончается не там,
Где стих берут за деньги (и за горло),
Где курят опиум (и фимиам),
Где от стыда в зобу дыханье сперло.

Кончается она, где свет поблек,
Где слов не слышно человечьих,
Где пожелтел последний стебелек,
Последний отзвенел кузнечик.

Где сотни лет никто не ворковал,
Не блеял, не мычал, не кукурекал,
Где перемалывает океанский вал
Столпотворение молекул.

Они ликуя в пенный бьют там-там,
Двойной спиралью генной завиваются –
Поэзия кончается лишь там,
Где вновь она, по сути, начинается.

Себя являя в поиСках — чего?
Ловя преданья гоЛоса — какого?
Она вливает в хаОс волшебство,
Водой живой взвиВая вещество,
Она и хаос претвОряет в СЛОВО.

ИВАНУШКА
(ок. 1732-1768)

Словом: наша речь о том,
Как он сделался царем.

Колико росские пииты
В дни оны жили на земли,
Толико гласно, сановито
Они высокий штиль блюли.

А коль с гудком заместо лиры
И нисходили с облаков,
То, чаю, токмо для сатиры
Иль для любовных, мню, стишков.

Незапно, аки луч из тучи,
Сверкнул меж ними юный муж,
Писавший с каждым днем все лучше
И русским языком к тому ж.

Легко сидел он на Пегаске,
Но правил твердою рукой,

Им помыкая без опаски —
Ни дать ни взять своим Лукой.

Он вздыбил стих неукрощенный,
Еще не обращенный в штамп,
Дабы заржал весь мир крещеный
И жеребцом дымился ямб.

И так на ржанье жеребячьем
Вознесся выше пирамид,
Что сколько мы его ни прячем,
А он главою вверх стоит.

С тех пор, хотите ль, не хотите ль,
Царем поэтов русских стал
Наш незаконный прародитель,
Наш полу-Пан, полу-пропал,

Певец скабрезнейшего склада,
Общечитаемый (...)*,
Лет за сто до «Гаврилиады»
Владевший пушкинским стихом,

* Тайком.

Лихой и буйный завсегдатай
И бард российских кабаков,
Родоначальник Самиздата,
Плебей без юбилейной даты,
Отца-не-помнящий, но знатно
Мать поминавший И. Барков!

МНОГОГОЛОСЫЙ ПЕРЕСМЕШНИК — 2

Золотой мой гребешок,
Шамаханский мой рожок
На рассвете дал сигнал
И в поход меня погнал.

Соловей мой, соловей,
Я пустился по твоей
По тропе на край небес,
Песни взяв наперевес.

Между небом и землей
Стала тропка та — судьбой,
Где, свободою дыша,
Пишет в пустоте душа.

Дышит-пишет без чернил,
Кто-то искру заронил —
От пожара в синеве
Зашумело в голове.

Пой, о пой, не умолкай:
Сердце — прядай, ум — алкай,
Песня — пойся, кровь — стучи,
Восшепчи, восщебечи!

Но румяная заря
Упорхнула за моря
В грай вороний, и с тех пор
Не вернется – Nevermore!

УМОЛКШИЙ ЖАВОРОНОК

(1996)

I

УМОЛКШИЙ ЖАВОРОНОК

Ясновидящий дозорный,
Однолюб и вольнодум
Над землей немой и черной
Воспевал зеленый шум.

Но не долго продолжалось
Песенное торжество:
Сердце, что ли, разорвалось,
Ястреб, что ли, смял его?

Так и все бы умолкали,
Так умолкнуть бы и мне —
На воздушной вертикали
В достижимой вышине.

Не сползать с зенита чтобы,
А кончину встретить в лоб
Песней самой высшей пробы,
Самой чистой... Хорошо б!

РУССКАЯ СИРЕНЬ

Сближаю ресницы и в радужном свете
В махровом букете хочу угадать,
Что в каждом загубленном ею поэте
Россия теряла опять и опять.

Увы! ничего она в них не теряла:
В обломанных ветках не видела зла,
Сгибала, срывала, ей все было мало,
Ломала сирень – а та ярче цвела.

МИР СТИХОТВОРЦА ГЛАЗАМИ ПАНГЛОСА

В мире, где молодо-зелено
Сердце на склоне лет,
В мире, где ни эллина,
Ни иудея нет,

В мире, где вертится иначе
Чертова карусель,
Только Дантесы Мартынычи
И попадают в цель.

Но неуместны жалобы –
Мол, если бы да кабы
Жертва их избежала бы
Авелевой судьбы...

Лучше уж в гроб, чем Каином!
Лучше Кандид, чем бандит,
Которому неприкаянным
В убийцах всю жизнь ходить!

Было б совсем не весело,
Был бы сплошной скандал,
Если б Цветаева – вешала
И Мандельштам – ссылал.

Видимо, Всемогущему
Ясен источник строф,
И все, действительно, к лучшему
В лучшем из всех миров.

* * *

Ледники и морены
мощно
вытачивали в земной коре
осязаемые формы
задолго до рождения первого скульптора.

Муссоны и пассаты
звучно
выпевали в земном воздухе
внятные мелодии
задолго до рождения первого музыканта.

Восходы и закаты
сочно
выписывали в земном небе
яркие полотна
задолго до рождения первого живописца.

И только стихи рождались
вместе с человеком,
вслепую,
неизвестно где.
Пример – Гомер.

КАРАНДАШ

Я в ящике, во тьме лежал, пока
На свет не извлекла меня рука
И деревянность внешняя моя
Не ощутила холод лезвия,
Которое мне распластало грудь
И обнажило пишущую суть.

Тогда я, силой внутренней влеком,
Заговорил графитным языком,
И стал впервые с чувством торжества
Сплетать в узор упругие слова,
И строчку начинал, придя в восторг,
Но, не докончив, тут же перечерк ...
И создавал иной порядок в ней —
Крупнозернистей, выше и стройней.

Так, опирая острие о стол,
Я в будущее руку вел и вел...

ТРИЕДИНСТВО

Стихи предлагают любому
Свою подъяремную грудь:
Готовность, как по чернозему,
По лексике плуг потянуть.

Стихи обнажают не сразу
Свою подколодную стать:
Наклонность узорчатой фразой,
Чешуйчатой рифмой блистать.

Стихи открывают не многим
Свою поднебесную суть:
Способность ожить за порогом,
Из рук у тебя упорхнуть.

ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ КАНОН

Князя считаю я старою сошкою,
Графа считаю я снятою пешкою,
И реверансам учиться мне лень,
Но даже будь я и сороконожкою,
Перед явленьем природы, не мешкая,
Я бы склонил тридцать девять колен.

Я предаюсь верноподданным почестям
И наслаждаюсь отменным количеством:
Небо я чествую Вашим Высочеством,
Тучу могучую – Вашим Величеством,

Молнию светлую – Вашим Сиятельством,
Ливень живительный – Вашею Милостью
И, увлекаемый изобретательством,
Как многолетием певчий на клиросе,

Море приветствую – Вашей Безбрежностью,
Радугу – Вашею Ясновельможностью,
Глетчер вдали – Вашей Пребелоснежностью,
Слово – Моею Великовозможностью!

ТРЕТИЙ УРОК БОТАНИКИ

... принадлежит к тайнобрачным...

По горам, по долам, по равнинам,
В хороводе дневной красоты
Миткалем, кумачом, кармазином,
Аксамитом, сафьяном, сатином
Опоясали Землю цветы.

На предсвадебном этом раздолье
Замухрышкою кажется тот,
Кто цветет не в лесу и не в поле,
А в поверье и в сказке цветет.

Но уж как на Ивана-Купала
Там пылает его огнецвет! –
Бродит за полночь не как попало,
А по тайному следу примет:

Пропуская стволы и вершины,
Смотрит в корень, как в воду глядит,
Видит в землю он на три аршина,
Там, где перстень заветный зарыт.

Где рубиновый рдеет эпитет
И сапфир из метафор зажег
Огонек для того, кто восхитит
И потрет непростой перстенек ...

…Жениху пожелай и невесте
Спать вдвоем и состариться вместе,
Пожелай стихотворцу и музе
Зацвести в тайнобрачном союзе.

ФЛОРА И ФАВН

Есть лексика цветочная
И точная в природе...

Где поутру в лугах росистых
Скользит венерин башмачок,
Искала Марьюшка любисток,
А Ванька выискал вьюнок.

Она сошла к реке сквозь травы,
Где притаился иван-чай,
Где подглядел он у купавы
И чистотел и молочай.

Где с заманихой в нежной паре
Хмель зашумел над головой,
Там шепоты иван-да-марьи
Запомнил мятлик луговой.

Она дышала сном и зорькой,
Ему достался первоцвет,
Но заплутал полынью горькой,
Разрыв-травой обратный след.

И разбежались две полоски,
Два следа мокрой муравой:
Один в кукушкины вел слезки,
Другой пропал за трын-травой.

(Плакун-травы ей было мало,
Болиголова набрала,
Траву забвения искала,
А с незабудками ушла).

ЧАРОДЕЙКА

Клянут истопники осину
За чертовую древесину,
И достается поделом
Ей в пересудах о Иуде
И упырях, которым люди
Грозят осиновым колом.

И чудится она такою
Бесовскою и колдовскою,
Когда, в безветрии шурша,
Колышет желтою листвою,
Не находя себе покою,
Как некрещеная душа.

Волшебной осени созданье,
Она лепечет заклинанья
И так на призрачном стволе
Сидит, как, расплетая косы,
Красавицы простоволосы
Сидят верхом на помеле.

Вся в струйках зелья золотого
Она вот-вот порхнуть готова
Сорокой, сойкой, пустельгой,
Русалкой, панночкою, ведьмой,
В завороженный взор влететь мой
И обернуться там строкой.

ВАЗОПИСЬ

Устав от смен в быстрейшей из эпох,
Я, как на вечность, на тебя глазею,
С рисунком уцелевшим черепок,
Бог знает как добредший до музея.

Я часто видел, как в июльский зной
Предметы оборачивают грани,
Когда горячий воздух над землей
Привычные колеблет очертанья.

Так, зреньем обогретая слегка,
Заколыхалась линия излома,
И девушка сбежала с черепка
К источнику тропинкою знакомой.

Колени преклонила пред водой
И зачерпнула амфорою емкой
Проникновенной влаги ключевой –
Холодной, но живой, не костоломкой.

Встав на ноги средь копьевидных трав,
Поставила с искусным равновесьем
Сосуд свой на плечо, не расплескав,
И побрела по всем векам и весям.

НА ОТМЕЛИ

Птичка бежала у самой воды,
Четырехпалые ставя следы.

Переливалась по следу вода,
Не оставляла следов ни следа.

Но сохранит себя – знаете, где?
Здесь на странице тот эС-эЛь-Е-Дэ.

СТИХИ НА СЛУЧАЙ

Если слово и впрямь результат произвола,
Все равно ведь за каждым скрывается тайна
И не зря соловей начинается с соло,
А из нео- рождается необычайно.

Этим всем управляет естественный случай,
Тот, что служит свободной душой микромира,
Невзначай с ним рифмуется слово могучий
Так же, как с микромиром рифмуется лира.

Архиметко мелькнет каламбур в разговоре,
И откроются взору законы и страны,
Для которых Колумбу желательно море,
Архимеду с короной достаточно ванны.

ОСЕНЬ НА ПУАНТАХ

Пляшут ясеня листья (ансамбль мастеров)
В заключительнейшей из премьер.
Балетмейстер отчаянный – Сила Ветров,
А. Вчерашний-Мороз – костюмер.

Дирижером У. Листьев – природы канон,
Увлекающий сюрреалист
Постепенно берет повелительный тон,
И на ветке трепещет-со-лист.

Превращая прощанье в высокий балет,
Исполняют листы не спеша
Неземной арабеск, роковой пируэт,
Тайногибельное антраша.

Притухает закат, фон синей и темней,
И финальная сцена видна:
Пляшут Я-Сень и О-Сень в анДанте теней,
А под занавес – И. Тишина.

ОКНО В САД

В руки так и просятся растенья –
Ландыши, фиалки, первоцвет:
До того прозрачно средостенье,
Что его как будто бы и нет.

Но взгремят божественные грозы,
Струйки по стеклу зашелестят,
И иначе – словно бы сквозь слезы –
Ты увидишь отступивший сад.

Вместе с темнотой послезакатной
В комнате зажжется свет иной.
Смотришь ты на призрачные пятна,
Видишь только то, что за спиной.

Кто же строгим зазеркальным взглядом
На тебя глядит из темноты?
Кто застыл между тобой и садом,
Заслонив кусты, листы, цве..?

ПРЕДОСЕННЕЕ

И осень видится воочью –
Китс, Баратынский, Рильке, Блок...

Хозяйским оком, Господи, взгляни
На летний вертоград. Довольно зноя.
Добро земное Тенью осени.

Ссыпь в закрома прилежное зерно,
Плодам унылым дай чуть-чуть припека:
Да перейдет неполносладость сока
В лучах прощальных в терпкое вино!

Кто потрудился, тот построил дом,
А бобылю – остаться бобылем,
Слагать стихи, грустить над связкой писем
И сумерничать в парке городском,
Прислушиваясь к падающим листьям.

ТИХООКЕАНСКИЙ ЗАКАТ

Опять багровая парча
Затмила небосклон,
Дабы зеленого луча
Тебе не отдал он.

Опять, учуяв мель, прибой
Взметнулся на мыске,
Дабы воздушный замок твой
Построить на песке.

Опять зажгутся узловых
Узоры звезд в ночи,
Но путеводную меж них
Попробуй, отыщи!

И кажется, была одна
Обещана вчера,
Но вдруг – падучая она?
Вдруг – черная дыра?

* * *

В нежном плене сладкой слепоты,
В плоском свете одноглазой кривды
Не пройдут бескормчие плоты
Мимо Сциллы и Харибды.

Нужен киль да руль и нужен глаз да глаз,
Чтобы розоперстей стали зори
И ладья не в Лету пронеслась –
В Ионическое море.

Где вода, как правда, солона
И, как ложь, недолговечна пена,
А бесхитростная глубина
Отрезвляет постепенно.

Где волна с волною не спеша
Коротает вечность в разговоре.
Вспоминай же море, о душа,
Вспоминай (memento) море!

ЯЗЫКИ ПЛАМЕНИ. ГРАММАТИКА ОГНЯ

Когда погас за елями закат,
А Волопас надумал разгораться,
Как полиглот, костер стал языкат,
И говорил с природою как брат:
Он был язычник – верил в панибратство.

Сперва струил он плавный дым – такой,
Который служит пламени предтечей,
И, о текущем речь ведя с рекой,
Он изъяснялся на речном наречье.

И кратких два зажег он огонька,
Двойным «Й - Й» приветствуя кого-то,
Когда во тьме сверкнули два зрачка
Безгласного ежа или енота.

Язык деревьев зная от корней
До разветвлений сложносочиненных,
Идеограммы бликов и теней
Он рисовал в пирамидальных кронах.

И полыхал, как звездные рои,
И потухал под пепельным покровом,
Но, дотлевая, все нет-нет да и
Воспламенялся искрою, как словом.

Так и летели искры до утра
На придыханьях млечных и прощальных,
На сожаленьях искренних костра
О всем, что тленно, что склонять пора
В падучезвездных окончаньях.

II

ЕРЕТИК

Будь моя и с гору вера,
Сомневаюсь все равно,
Что подвину я, к примеру,
Хоть горчичное зерно.

И сомнение и вера
Мне даются для души,
А для гор есть землемеры,
Самосвалы и ковши.

Если в вере нет сомненья,
То каюк еретику:
Без сомненья на сожженье
Я любого упеку.

Потому что, как ни скверно,
Еретик и сам постиг:
Кто сжигает – правоверный,
Кто горит, тот еретик.

СТИХИ И СТИХИИ

Я меж Творцом стихий и стихотворцем
Соперничество вижу и родство –
Полны единством и единоборством
Два корня уравненья одного.

В день первый, день стихий (стихов?) творенья
Возникли сразу небо и земля,
Как две строфы, в противопоставленье
Осуществленный замысел деля.

Согласно стали звезды загораться,
Светя чужой и собственной судьбе,
И горы воздвигали, как Гораций,
Нерукотворный памятник себе.

Гудели ритмы в смутном океане,
Текла и пела первая река,
Летели, плыли по-аристофаньи
Лягушки, птицы, осы, облака.

И с явно независимым сознаньем,
Подобно двум счастливейшим строкам,
Росли с мужским и с женским окончаньем
В саду Эдема Ева и Адам,

Где, в ироническом являясь виде,
Пел языком стихов (или стихий?)
Любви искусство райский пра-Овидий,
Накликавший изгнанье змий.

ПРЕДПАСХАЛЬНОЕ

Все зацвело. Какая благодать!
Весна, как ты в цветении безмерна!
Что мне напомнить хочешь, что сказать,
Кого теперь ты хочешь оправдать
И реабилитировать посмертно?

Я вспомнил, да! Смоковница одна
Росла на Елеонском возвышенье...
О нет, бесплодной не была она –
Она цвела: тогда была весна,
Не осень, не пора плодоношенья.

РАЙСКОЕ УТРО

Течет себе зеркалинка,
Струилка, омывалочка,
По-омутам-молчалинка,
По-отмелям-журчалочка.

Пушистой машет кисточкой
Приветка-свежелисточка,
Щебечет свиристаловка,
Порх-порх-перелеталовка.

На каждой зелениточке
Сверкалки, водосliточки,
Для каждой прижужжальницы
Открылись расцветальницы.

Иглогиганты храмовы,
Высокосинь блистательна,
И утро так адамово,
Так первоназывательно.

У ДРЕВА ПОЗНАНИЯ

Лес так размерен и приволен,
Разноголос и многостволен,
Что я в нем без труда вполне
Всем существующим доволен.

Роса сверкает сотней радуг,
Гниет пришедшее в упадок,
Еж в норке, белка на сосне,
Сыч спит в дуплистой тишине –
Всему свой час и свой порядок.

Вот только не решу загадки:
Какое свойство есть в порядке,
К себе влекущее вдвойне
Тем, что играет с нами в прятки?

Я слышал ночью писк бельчонка:
В когтях сыча он пискнул тонко...
Ну, а гармонию во мне
Кто оплатил, в какой стране,
Как Прометей, своей печенкой?

Влечется разум человечий
К отсутствию противоречий,

А сам не существует вне
С необъяснимым вечной встречи.

Но, помня, что ответы скрыты,
Для зренья время береги ты:
Вот ствол из смол, а в стороне
Мхи и лишайники на пне
Нашлепками из малахита.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

Тринадцатого сентября
В седьмом часу в лесу
Багрянородная заря
Заискрила росу.

И, обойдя корявый пень,
Чуть-чуть наискосок
Спустился к отмели олень
На розовый песок.

Он легок был и тонконог,
Но не из молодых:
Имел по восемь каждый рог
Отростков узловых.

Шестнадцать, значит, над собой
Держала голова,
А над зеркальною рекой
Их стало тридцать два.

Когда поплыл по лону вод
Он через шесть минут,
Казалось, что не он плывет —
Рога одни плывут.

Проплыл, воды не замутив,
И гордо вышел там,
Где изгибается залив
К самшитовым кустам.

Откуда на него смотрел
Теперь в последний раз
Через оптический прицел
Любующийся глаз.

БЛИЖНЕГО СВОЕГО

В современности или в древности
Про убийство – всегда нам нравится:

Про отелловское – из ревности,
Про сальерьевское – из зависти,
Про раскольниковское – уголовное,
Про степановское – молодеческое,
Про эдиповское – про сыновнее,
Про тарасовское – про отеческое.

И вообще – про все-люди-братское,
Совершаемое в духе правил,
Установленных древней сказкою:

Жил-был у Дедушки серенький Авель...

ЧАЙКА И СОЙКА. ОТЧАЯННАЯ ОРНИТОЛОГИЯ

Птички Божьи: птица-сойка,
Птица-лира, птица-чайка,
Синептица, птица-тройка —
Всех попробуй сосчитай-ка!

... Выхожу я на каноэ
В гармоничную волну —
Только чайка надо мною
Не ширяет в вышину,

А сидит на мертвой зыби,
Пялит круглые зрачки,
Хищно рвет очистки рыбьи
Только что не из руки,

Их заглатывает ловко
И, приняв нахальный вид,
Как базарная торговка
Пахнет рыбой и кричит.

Распаленная подачкой
Жмется к борту моему,
Колыхаемая качкой
Заплывает за корму, —

И сдается: оплошай-ка,
Так проглотит и меня
Эта чайка-попрошайка,
Буревестнику родня!

... Топаю лесною чащей –
Не народною тропой,
А звериной, настоящей
Тропкою на водопой.

Кто там смотрит зорким оком,
Кто по ветке взад-вперед
Скачет боком-перескоком
И пронзительно орет?

Это, слов не тратя лишних,
Птица синяя моя
Завопила: «Ник-ник хищ-ник!»
То есть хищник – это я.

И спасаются куда-то
За стволы и под листки
Расторопные зверята,
Непроворные жучки.

Я хочу взглянуть в глаза им,
Но поднять не в силах век:
Стал не дедушкой Мазаем
Нынче русский человек.

Я шагаю не на вече —
В Иоанновскую Русь:
Наступлю, так изувечу,
Растопчу — не обернусь.

АЗБУКА КОММУНИЗМА

А и Б
сидели в КГБ,

В, Г, Д, –
в НКВД,

буквы Е, Ж, З, И, К
отсиживали в ЧК,

Л, М, Н... и вплоть до У
посидели в ГПУ,

все от Ф до Ю, похоже,
сядут вскорости. Я – тоже.

КВА-С

Как чай, прихлебывая слякоть,
Лягушки любят покалякать,
Свой быт хвалить, чужой — обквакать,
Сказать свое «Бре-ке-ке-ке!»
Похвастать квасом, простоквашей,
К вам обратиться, к маме к вашей
На лягушачьем языке...

Суть языка их такова,
Что слышно только ква да ква,
И квази-квамунизм их скважин
Им кажется куда как важен:

«Весь мир насилья мы расквасим
В сплошной кавак и кавардак!
Как адеквасен, как преквасен
Рабочий квасс и квасный флаг!

«Хвалите квассиков, чудак вы:
Пускай течет в искусстве аква
Квассически, как дважды ква!

«Нет ягоды квасней, чем клюква,
Чем буква К — квасивей буквы,
Столицы кваше, чем Москва!»

АРИФМЕТИКА ПРИРОДЫ

1

Два озерца увидел я в горах,
Пониже – два другие в углубленье.
Как вдруг – трах-тарарах! –
Землетрясенье!
И пролились два верхних к нижним, но
Их стало не четыре, а ОДНО.

2

Когда же из-за тучи над откосом
Край солнца появился в синеве,
То тени параллельные двух сосен
И две других соединились в ДВЕ.

3

Олень рогатый вышел из ложбинки
(За ним две ланки двигались гуськом)
И, подойдя поближе, без запинки
Сказал мне чистым русским языком:

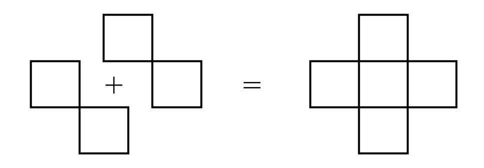
– Забавных в жизни много есть коленец!
Вокруг себя внимательней смотри:
Две пары в сумме могут дать и ТРИ,
Как твердо знает каждый двоеженец.

4

В ответ, упрямо пальцы растопыря,
Я стал доказывать, что два плюс два — ЧЕТЫРЕ.

5

Но пробурчал он что-то вроде «Дурр...»
И на песке движеньями копытца
Нарисовал престранный ряд фигур

И мне тогда пришлось с ним согласиться,
Что два плюс два способны дать
В итоге — ПЯТЬ.

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Экология
показала нам, что
овцы сыты там, где волки целы.

Да и человек овце — волк.

Генетика
показала нам, что
яйцо учит курицу врожденным навыкам.

Да и cherchez la femme начинается ab ovo.

Философия
показала нам, что
на всякую простоту довольно мудрецов.

Да и я люблю,
отшвырнув газету с речами политиков,
пофилософствовать о том, что
проза не требует мысли.

Поэзия — другое дело.

БЕЛЫМ ПО ЧЕРНОМУ ПРИ КРАСНОМ СВЕТЕ

Кто блеском тьму сменяет налету,
Чтоб на свету все кошки были серы,
И просвещенье ставит в темноту,
А мракобесье в яркие примеры?

Кто копит угольки на белый день
И выдает чернила за белила,
И так уж тень наводит на плетень,
Чтобы ничья рука не соскоблила?

Да это он, извечный негатив,
Рядится в белый венчик, поелику
Надеется, тона переместив,
Сбить ангельские лики с панталыку.

Белы, как сажа, все его дела,
На солнце пятна светятся, как бельма,
Дорога в ад сияет в свете зла,
И, путаясь, перемещаем цель мы.

Но счастлив тот, кто, мыслью просветив
Бромосеребряные измышленья,
Получит в сердце скрытый позитив
И учится искусству проявленья.

АЗБУКА ДЕМОКРАТИИ

Нет пророка в своем отечестве

Господь изрек:

– Дам русским буквам волю:
Большое плаванье – большому кораблю!
Глаголицу всей мощью оглаголю,
Кириллицу всей правдой окрылю.

Хочу, чтоб эти крестики-крючочки
Людей учили вечно соблюдать
Законы слова, равноправье строчки,
Свободу формы, братскую печать.

Вмещали речь в ее многообразье,
Мысль вольную, что почвою жива,
И людям день за днем славянской вязью
Мои напоминали бы слова:

Аз Буквы Ведаю.
Глаголю: Добро Есть!
Жива Земля, Иже Како Люди Мыслит.
Наш Он Покой, Реку, Слово Твердое.

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА
(Стихотворение с тайными рифмами)

Есть прозрачность и скрытность от века в любой добродетели,
Только зло ведь искрит, настоятельно жаждет свидетеля
И павлиньими перьями красит вороньи проплешины.

Помнит каждый теперь имена декабристов повешенных,
Но воистину сгинули в памяти, словно не жившие,
Декабристы, на волю своих крепостных отпустившие.

Ни строки, ни доски, никоторого нет им признания!

Но усмешкою циник отторгнет мое восклицание:
«Вы зачем же, чудак, там стихи заменили риторикой,
Пустяковейшим фактом, достойным забвенья историка?»

Знаю: мир наш клеймится и помнится в адовом пламени –
В огоньках инквизиции, в заревах бомбометания,

Но и райские кущи есть рядом, за будничной дымкою,
На пути к ним, идущий и станет для нас невидимкою.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

1937

В час, когда соловьями из клетки
Запевают сердца про одно,
И черемух вскипевшие ветки,
Как бессонница, лезут в окно,

И набухшие полночью травы
Поникают до самой земли,
Под лягушечий стон из канавы
Вынимали его из петли

Слишком поздно. И было не важно,
Как трясли его по мостовой
И как нежно и многоэтажно
До утра его клял постовой.

Только утром за белой сиренью
Отыскался бумажный листок –
Неумелое стихотворенье
На двенадцать отчаянных строк.

Закорузлой колхозной рукою
Он писал: «... бо не маю вже сил»,
Оставлял Василька сиротою,
У него же прощенья просил,

Тосковал, задыхался слезами
И писал малограмотно он.
Но такой уже, видно, закон,
Чтоб о самом о главном — стихами...

1987

Дни что-то сделались мелкозернистыми,
Скачут проворней, чем белки по веткам,
И футуристы вслед за модернистами
Отодвигаются в плюсквамперфектум.

Но всё отчетливей вижу я, слышу я
Те к протоколу подшитые строчки,
Что замыкали двенадцатистишие
На окропленном (росою?) листочке:

Діти мої, Галя, Вася,
Як цей вірш писався,
То в тата вашого з серця
Кров гарячий ллявся.

Вновь доказала мне память подробная,
Что полстолетья стихам не помеха:
С подлинным верно я слышу загробное
Слово собрата по веку и цеху,

И затуманившиеся глаза мои
Видят корявые буквы — те самые,
Что, может быть, и не в лучшем порядке,
Но запеклись на клочке из тетрадки.

ТУГИЕ ПАРУСА

Не спится, старость. Ночь, покой, уют
И все равно не тяжелеют веки.
Два голоса заснуть мне не дают,
Твердят о Боге и о человеке.

Хотя один известнее стократ,
Другой ему комплементарно равен:
– Я мыслю, посему я есмь (Декарт).
– Я есмь – конечно, есть и Ты (Державин).

НОВЫЕ СТИХИ

О ЗВЕЗДАХ

Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь,
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.
Г. Державин

Поэтов увлекали прорицанья
Внезапной смерти, яростной притом:
В полдневный жар долины в Дагестане;
Или в *зеленый вечер под окном*;

Тянуло их писать, как на дуэли
Поэт на снег роняет пистолет;
Предсказывать (как вышло и на деле)
Умру не на постели... в дикой щели;
Твердить: –...*пора Творцу вернуть билет.*

Но быть пророком, даже невеликим,
И мудрым звездочетам не дано,
А словом опрометчивым накликать
Несчастье на себя не мудрено.

Не отогнать накликанные беды,
Хоть можно вспомнить об иной звезде:
Минут пяток всхрапнуть после обеда

И побродить уже во сне по следу
Державина в зеленой Званке, где

Струилась жизнь певца подобно чуду,
Подробно, резво, но не впопыхах.
Была жена в постели. Бог повсюду.
И вкус бессмертья длился на губах.

1997 г.

ПОЭТ В АМЕРИКЕ

Я вышел в сад и, взявши вилы,
Стал перебрасывать компост,
А память мне переводила
То, что сказал однажды Фрост:

“Пускай их делят, кому охота,
А я сливаю с давних пор
Мою забаву с моей работой,
Как оба глаза – в единый взор”.

Он, крякая, колол дрова,
По строчкам размещал слова,
И складывалась жизнь у Фроста
Тепло и просто.

1997 г.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ С ЭПИГРАФАМИ

1

ГАМЛЕТ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Чаю воскресения мертвых
И жизни будущего века

В тот день,
Когда мы клонируем
Мертворожденного младенца,
Что это будет?

Рождение близнеца?
Воскресение из мертвых?
Первый шаг человека к бессмертию?
Или: и то, и другое, и третье?

На подступах к тому, что обещал Христос,
Пришла пора спросить у будущего века:
Бессмертье или смерть – вот в этом весь вопрос;
К чему иль ни к чему бессмертье человеку?

1999 г.

2

ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Писать много книг
Конца не будет,
И много читать,
Утомительно для тела.
Екклезиаст 12/12

Осваивай, мой друг, стихосложение,
Но опасайся стихоумножения.

Пусть без тебя прискорбно увеличится
Число уходов качества в количество,

Где силуэты прячутся в туман,
А лица схожи внутренне и внешне
Не так, увы, как вишня и черешня,
А словно граммофон и графоман.
1998 г.

3

В ЗАЩИТУ СОРНЫХ ТРАВ

Когда бы вы знали из какого сора...

...Растут стихи бывает, что из сора,
Но знать должны все внучки горожан,
Что сорняки средь сора у забора
Растут, как орхидеи. Из с-е-м-я-н!
1998 г.

4

НЕИЗВЕСТНОМУ АВТОРУ

Гори, гори, моя звезда

Перед самой зарею
Звезды сходят на нет,
Потому что не тьмой, а
Светом гасится свет.

Светлячок, фейерверк ли,
Все нуждаются в тьме.
Чтобы звезды не меркли,
Будь себе на уме.

Пляшет канатоходец
Днем у всех на виду,
И лишь темный колодец
Видит в небе звезду.

Что в пространство и время
Абсолютный льет свет,
Ставши солнцем в системе
Оживленных планет,

Средь которых найдется
Дальнозоркая та,
В чьем глубоком колодце
И твоя отзовется,
Отразится звезда.

1999 г.

5

Из Джона Мейсфилда

МОРСКОЙ ВОЛК

Видно, я суровому Нерею
Смог когда-то очень угодить,
Что теперь – его, и не умею
Ни полей, ни леса полюбить.
Гумилев «Тоска по морю»

Я в море, в море пущусь опять, где волн закипает плеск,
Дайте мне только быстрый корабль и звезды путеводной блеск;
И ветра свист, и штурвала скрип, и белых полотен пляс,
И серую мглу над серой водой в предутренний серый час.

Я в море, в море пущусь опять, где к берегу мчит прилив,
И внятен мне и неотразим властный его призыв;
Мне нужно только, чтоб бриз свежел, пену швыряя ввысь,
Кричали чайки, дышала зыбь и облака неслись.

Я в море, в море пущусь опять, в привольный цыганский быт,
Которому верен и альбатрос, и старый бродяга кит;
Пусть слышится только моряцкий смех, соленая болтовня,
Когда приютит меня долгий сон в конце моего дня.

1999 г.

МОЕЙ ЖЕНЕ
к шестидесятилетию нашей встречи

РЫБАК ЗА КАМЫШАМИ
(Плюты, 1939)

Склонила зарево над речкою заря,
И камышинку — девушка нагая.
Вода и сердце замерли не зря,
Аквазеркальным пламенем горя,
С Авророю Наташу сопрягая.

МУЖ ПЕРЕД ПРИБОЕМ
(Вестерланд, 1949)

В брызгах вынырнуло чудо,
Нет, не спрут, не барракуда,
Не морское чудо-юдо —
Из подводной темноты
Образ вынесла мне ты
Длиннобедрой, крутогрудой,
Пенородной красоты.

НА ЗАКАТЕ
(озеро Силвер-Лейк, 1979)

За кормой челнока наш улов,
На кукане четыре форели.
В ловле нахлестом вдоль берегов
Мы со временем поднаторели.

Ты сказала: «Хлестну, что есть сил,
Вон к тому островочку поближе...»
Но поддельную мушку схватил
Кромкой клюва рассеянный крыжень.

Не приходится хвастаться, как
Провели мы крутой поединок
И попался в подсак нам бедняк,
Выбившись из силенок утиных.

Я неписаный кодекс блюду,
Сняв с крючка, подбодрил его шуткой:
«Птичке Божьей, попавшей в беду,
Не годится стать жареной уткой.
Поскорее обратно чеши,
Ты ведь селезень, брат, а не рыба!»

Он бежал по воде в камыши
И оттуда нам крякнул: «Спасибо!».

Монтерей, 1999

ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

(Переводы)

Оливер Уэнделл Холмс
(1809—1894)

ИЗ «БАЛЛАДЫ О БОСТОНСКОМ ЧАЕПИТИИ»*

Чаёк заваривался крут,
Запахло ураганом:
Варил его свободный люд,
Хлебать пришлось тиранам.

Шатался трон,
Трещала власть,
И шторм ревел, крепчая,
Вот что за буря поднялась
В бостонской чашке чая!

* 16 декабря 1773 г. 150 американцев, чтобы выразить протест против налога на чай, захватили в Бостонском порту английские корабли с грузом чая и выбросили его в море. Эта акция получила название Бостонского чаепития и привела к началу Американской революции.

Генри Уодсуорт Лонгфелло
(1807—1882)

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «СКАЧКА ПОЛЯ РЕВИРА»*

О Поле Ревире рассказ мой, ребята:
В апрельскую полночь, в год семьдесят пятый,
Скакал он будить отдыхавший народ;
Осталось на свете людей маловато,
Что помнят тот день и тот год.

Он другу сказал: «Коль на нас через мрак
По суше ль, по морю ли двинется враг,
Сигнал подавай с колокольни скорей.
Увижу я издали свет фонарей:
Один – если посуху, два – если с моря.
На том побережье коня я пришпорю,
Стучась во все двери, промчусь по окружью,
И всех поселян призову я к оружью.

* Поль Ревир – герой американской революции. По его призыву она началась.

Джеймс Рассел Лоуэлл
(1819—1891)

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ БРИТАНСКИХ СОЛДАТ ПОД КОНКОРДОМ

И пали здесь, придя на край земли,
Чтоб прошлое на троне удержать.
За шумом волн не слышно, как вдали
Стенает Англия – горюющая мать.

Франсис Хопкинсон
(1737—1791)

* * *

Пора вам потесниться, могучие державы,
Себя в боях венчавшие победой или славой.
Великая Америка теперь живет на свете —
Освободите место ей вы у себя в совете.

Генри Торо
(1817—1862)

СТАРАЯ ДОРОГА В МАРЛБОРО

Коль весенней порой
Захотят побродяжничать ноги,
Хватит пыли на старой дороге,
На забытой тропе в Марлборо.
Этот путь и не чинят –
Кто же ездит там ныне?
Словно жизненный путь,
Вьется он как-нибудь,
И проходят
Дорогою старой
Только в гости
К ирландцу О`Хара.
Это лишь направленье,
Наметка пути,
Это просто возможность
Идти да идти.

Уолт Уитмен
(1819—1892)

* * *

Мне близки великие души героев

Мужество нашего времени и всех времен,

Капитан, заметивший в бурю переполненный людьми
пароход без руля и смерть, носившуюся за ним;

Как, стиснув зубы, он не отступал
ни на пядь и не спал
ни днем ни ночью,

И крупно вывел мелом на доске: «Мужайтесь,
мы не оставим вас»;

Как шел за ними по пятам,
и три дня кружил вокруг них и не сдавался,

Как наконец спас погибавших;

Вид изможденных женщин в обвисших платьях,
отчаливших в шлюпках от края могилы,

И притихших младенцев с лицами стариков, и больных
на носилках, и небритых мужчин с поджатыми губами.

Я проглатываю все это, вкус его сладок, оно мне нравится,
оно становится моим,

Я участник событий, я страдал, я был там.

Эмили Дикинсон
(1830—1886)

В мозгу могилу заступ рыл,
Кого-то хороня,
И люди шли, и звук шагов
Перерастал меня.

Сошлись, и служба началась.
Ей в такт гудела тьма —
Сильней, сильней, и мнилось мне,
Что я сойду с ума.

Взяв гроб, со скрипом по душе
Процессия прошла.
И тут пространство принялось
Звонить в колокола.

Все небо превратилось в звук,
А все живое в слух,
И с тишиной мы глаз на глаз
Одни остались вдруг.

Роберт Фрост
(1874/5—1963)

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ ДАР

Мы звали землю здешнюю своей,
Но с ней не породнились и еще
Сто лет землей владели, прежде
Чем стать ее народом. Пусть она
Принадлежала нам в Массачусетсе,
В Вирджинии, но мы-то, колонисты,
Принадлежали Англии. Так мы
Владели тем, что было нам чужим.
А к ставшему чужим — принадлежали.
Мы были слабыми, но лишь из-за того,
Что мы земле отдать не догадались
Самих себя. И это осознав,
Нашли спасенье мы в самоотдаче.
В боях на это право заслужив,
Себя чистосердечно принесли
Мы в дар земле, тянувшейся на запад,
В просторы смутные, земле, еще
Нелегендарной, невоспетой, необжитой,
Земле, какой она была до нас,
Какой она и после нас пребудет.

ПОСВЯЩЕНИЕ*

Когда зовет на праздник величавый
Поэтов и художников держава,
Мы все торжествовать имеем право.
День этот славен для меня вовек.
Пусть благодарность примет человек,
Которому такая мысль пришла,
Ему поэзии принадлежит хвала.
Хвала тому порядку, что в веках
Нам память сохранит о мудрецах,
Его творивших с одобреньем Бога.
Они и видели и ведали так много
(Великая четверка – Вашингтон,
Джон Адамс, Джефферсон и Медисон),
Что знали, глядя в будущность, они,
Как их рукой зажженные огни
Весь мир зажгут пожаром в наши дни,
И как любое малочисленное племя
Стать нацией захочет в наше время.
Порядок новых тех минувших лет,
Умом их создан, сердцем их согрет,
Живет сегодня и струит свой свет.
Нам быть колонией пристало до тех пор,

* Стихотворение «Посвящение» Р.Фрост намеревался произнести во время инаугурации президента Кеннеди, но ветер смял его листки, а наизусть поэт стихотворения не знал и вместо него прочитал одно из своих наиболее знаменитых стихотворений «Чистосердечный дар».

Покуда продолжался старый спор
О том, кому же суждено по праву –
По языку, способностям и нраву –
В стране Колумба восторжествовать.
Час пробил – стали отступать испанцы,
За ними и французы, и голландцы,
И Англия здесь стала управлять.
Но спор, что для нее оконченным казался,
Для нас в то время только начинался.
Пусть этот стих укажет направленье
Той революции, которую в движенье
Мы привели единым напряженьем.
Мы с вами – часть восстанья одного
И не любить не можем мы его.
Пускай иной глупец питает чувство,
Что нет величия ни в жизни, ни в искусстве,
Но сколько раз бунт нашего народа
Увенчан был величием свободы?
И чудится, что подвиг величавый
И ныне нас манит своею славой.

* * *

Ту ведьму, что пришла мыть пол,
Со шваброй, подоткнув подол,
Ты Ависагой* бы не счел,

* Ависага Сунамитянка – библейский персонаж, красавица, прислуживавшая царю Давиду (3Цар. 1:3, 1-15).

Кинозвездой минувших лет.
Но славы так непрочен след,
Что тут сомнений в сходстве нет.

Умри ж, покуда юн, схитри,
А заживешься — так смотри:
В парче и золоте умри.

Разбогатей, иль сядь на трон,
Но к старости будь вознесен,
Чтоб не пугать собой ворон.

Кто знаньем побеждал в борьбе,
Кто просто верностью себе —
Авось удастся и тебе.

Пусть раньше был ты и хорош,
А пользы в этом ни на грош,
Когда подступит смерти дрожь.

Готовь же гроб среди шелков.
Пусть друга куплена любовь —
Все ж лучше так. Готовь, готовь!

Роберт Пен Уоррен
(1905—1983)

ОТГОЛОСОК ДАЛЕКОГО ВЕТРА*

Он скитался по миру. Обладал ненасытным зрением.

Писал: «С детства меня поразительно влечет к тому, чтобы
как можно больше увидеть в мире и, в особенности,
как можно лучше изучить птиц Северной Америки».

Он мечтал поохотиться с Буном, придумал и написал его
портрет,
Доказал, что беркут отыскивает добычу не чутьем,
а зрением,
Смотрел в глаза раненому белоголовому орлу.

Писал: «...гордая птица глядела на недругов
взором, исполненным презрения».

Он взбирался в сумерках на утес и слышал в мычанье
бизонов
Рокот далекого океана. В полдень смотрел,
Как от костей белела залитая зноем долина.

Видел индейца и ощущал величие Творца.

---

* Из цикла «Одюбон: мечта». Одюбон — художник орнитолог.

Писал: «...ибо там я вижу человека в первородной наготе,
но все же свободного от нажитых забот и печалей»

Он сиживал на тычке за обедом у богачей и знал вкус обиды.
Дожидался в передних у сильных мира сего
И сталкивался с высокомерием.

Писал: «Моя милая мисс Пирри Окли прошла сегодня
мимо,
не вспомнив, как однажды, по ее просьбе,
я написал с нее пастелью прелестный портрет».

Писал: «...но скромный мой талант поможет мне
пробраться сквозь шпицрутены мира и без ее
помощи».

И шагал сквозь строй, не прельщаясь ни легкой жизнью,
Ни даже снисходительным вниманием Даниэла Уэбстера.

Писал: «...и буде я соглашусь, предоставят мне
теплое местечко; только я ценю независимость
и покой превыше денег и прочего вздора».

Вот так и жил он, но под конец все же прославился.
Вдали от родины, в заморских странах, в пышных салонах,
С волосами до плеч, как у охотника, блестя глазами,
Он щебетал, свиристел, щелкал, чирикал
На все голоса своих далеких лесов.

Писал: «...мне беспрерывно снятся птицы».

А под конец поселился в честно заработанном доме
И спал на мягкой постели и с Люси.

Но потом
Скрипка больше не покидала полки, а мундштук флейты
Пересох, как и его кисти.

Разум
Уже угасал, и последней радостью в жизни
Была колыбельная, что на закате пели ему по-испански.

Так умер и был оплакан тот, кто любил мир.

Кто писал: « мир, хотя и весьма злонравный,
но, по совести говоря, вряд ли хуже
миров иных».

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. ДЕНЬ ПОСЛЕ БУРИ.

Как радость быстра, как смел,
Буен солнца звон, как
Моря вал бел – о! –
Белее, чем
Ярого снега блеск,
Пена, прянь
Ввысь!

Пусть бьет выше бурун,
В плеск, в синь, в звон, в шум,
Пусть луч солнца поет,
Пусть мир мчит к нам
Пыль, соль, неба туман
В грот и фок, пусть
Парус скрипит белее и
Ярче, чем
Пена солнечных песен — ого! —
Ветр бодр.

Ветер души вплетай,
Как бесконечный трос,
В солнечный — вечный — свет.

Дай мне руку твою.

О ЧЕМ ТЫ РАЗМЫШЛЯЛА, МАМОЧКА?

О чем ты размышляла в детстве, лежа
В час козодоя в замершей траве,
Когда садилось солнце в гущу бора?
Ты шла домой, где зажигались лампы.

О чем ты размышляла под напевы
Вечерней горлинки в зеленых темных елях?
О чем ответно сердце ворковало?
Отец был занят книгою у лампы.

О чем ты размышляла в час заката,
Сменявшего шафранную полоску
На синеву с мерцающей звездой?
Ты поняла, что нужно возвратиться

Домой и храбро жить, как прежде,
И донести сияющую тайну
В наш одержимый век, в котором позже
Ты родила меня, в котором ныне

В безумии, общественном и личном,
Живу и я, но помню: в раннем детстве
И я лежал на том же месте
Под козодоя песнь в раздумчивых ветвях.

Рэндолл Джаррелл
(1914—1965)

ВСТРЕЧА МУЖЧИНЫ С ЖЕНЩИНОЙ НА УЛИЦЕ

Под расписной, сквозною тенью гингко,
Растенья старого, что вот уж, не меняясь,
Живет Бог знает сколько тысяч лет,
Шагаю я за женщиной. Сверкают
От блесток солнца волосы идущей
Крупнозернистой золотою пряжей,
Рожденною из света, сквозь который
Они скользят. Соткали мастерицы
Из вин хмельных ей зыбкие одежды,
И ткань струится, пенится, шуршит
Вкруг ладных икр и бедер полноценных,
Когда она, чуть-чуть змеясь, плывет
Сквозь на нее глазеющие блики.
От листьев дерева, столь древнего, что больше
Оно не существует — правда? — в диком виде,
Играют тени беглые в пятнашки
С закрученной французскою прической;
Она ж, высокая на тонких каблучках,
Возносится в дождем промытый воздух
Легко, светло и для мужского глаза
Волшебно... Зная и любя
Такой тип женщин, запросто могу я —
Как Сван не мог бы — с ней заговорить.
С привычной нежностью я следую за этой
Знакомой новизной и вспоминаю

Про Лоренца и про его гусят, что только
Проклюнулись, как тут же увидали
Фигуру Лоренца и радостно решили,
Что Лоренц — мать; толкаясь и пища,
Весь выводок бродил за ним повсюду,
А повстречав родную мать-гусыню,
В испуге бросился к нему — искать защиты.
Так и во мне подспудным отпечатком
Жив контур женственности, сладостной и странной:
Я тоже к ней бросаюсь, и она
Мне шепчет: «Я — твоя,
Будь — мой!»
И вот теперь, шагая
За этим образом знакомым — молодым.
А в чем-то старым, — я внезапно молодею
И чувствую, как молодеет век.
Вот бодрый Штраус — лишь в усах сединка —
Кричит оркестру: «Громче, громче, громче —
Еще я слышу фрау Шуман-Хайнк...»
Или, седой и лысый, объясняет
С улыбкой дирижерам, что «Электру»
Им надо исполнять, как «Сон
В летнюю ночь» — как музыку из сказки.
Пруст, умирая на своей постели,
Холодное прихлебывает пиво
И переделывает в гранках сцену смерти
Берготта. распознав уже и что и как.
В Париже Грета Гарбо, комиссарша,
Рассказ невнятный слушает о встрече

Макгилликадди и Макгилливрея,
Когда Макгилливрей Макгилликадди
Сказал, иль нет — Макгилликадди
Сказал Макгилливрею, а верней
Макгилливрей сказал... и, лоб наморщив, Гарбо
Серьезно говорит: «Ай виш дзей'д невер мет»*.
За этой женщиной идя, я вспоминаю,
Что лишь сегодня прилетел сюда,
Что на заре проснулся под сюиту
«Встречают птицы день», которой
Всегда встречают птицы день, и пожелал,
Как человеку свойственно, чтоб вовсе
Был необычным день, чтобы — из ряда вон.
А птицы все желали и желали
С упорством птичьим, звонко, деловито:
«Пусть он обычным будет — пусть, пусть, пусть!»
Ну обернись, взгляни в мои глаза,
Скажи мне: «Я — твоя, будь мой!»
Мое желанье сбудется. Однако
Когда твой взор коснется моего,
Он в невесомость чистого желанья
Вес принесет живого человека:
Возможность ободрить или обидеть,
Прижаться и прижать, в сердцах сказать,
Что ты не доросла, мол, до «Электры»,
Потолковать о Прусте. Да, желанье, что сбылось,
Есть жизнь. И у меня уже есть жизнь.
Когда ты обернешься, пусть скользнет

* Здесь: Лучше бы нам никогда не встречаться *(англ)*.

По мне твой взгляд, и пусть скользнет во взгляде,
Как блик межлиственный, как лиственная тень,
Намек на то, что в мире никого нет
Тебе милей, чем я, что если только...
О если только...
Большего не нужно.
Но хватит притворяться. Убыстряю
Я шаг и, поравнявшись с нею,
Дотрагиваюсь осторожно пальцем
До ямочки на шее, где почти что
Сомкнулись золото волос и платье
Под цвет вина. Я прикасаюсь нежно,
Как тень от листьев... Потому что это
Моя жена – не кто иной! – шагает
В нарядном новом платье от Бергдорфа
По улице, ведущей прямо в парк.
Невольный вскрик... целуемся и дальше
Бредем уж рука об руку под солнцем,
Что на Нью-Йорк, конечно, жалко тратить:
Оно на домик светит наш в лесу.
А впрочем, пусть погреются, бедняги.
Нам с ней не нужно толковать о Прусте,
Спор заводить о Штраусе. Немало
Мы ободряли и немало обижали
Друг друга много лет тому назад.
И после стольких перемен, и после
Всех радостей совместных и восторгов
Нечаянная встреча вызывает
На миг лишь замешательство и тут же

Его сменяет чувством постоянной,
Привычной близости. Не проведу границы
Меж нашей жизнью и моим желаньем.
Нет, я не пожелал сегодня утром,
Как человеку свойственно, чтоб вовсе
Был необычным день — я загадал
Желание пернатых: «Пусть он будет
Обычным днем моей обычной жизни».

Мона Ван Дайн
(род. 1921)

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ПОЭТ:
Я все время летаю, и все ж опасаюсь летать я –
я должна видеть землю и ноги держать на земле.
И в аэропорту, чтобы сердца унять трепетанье,
я смотрю, кто со мною летит: вот нарядное платье;
сшит костюм на заказ; из кожи портфель; вот колье
на высокой груди; ах, какая прическа! Какие созданья
здесь со мною летят! Ведь Господь не захочет, чтоб из
мира скрылись такие заметные люди на трассе,
не захочет терять никого и всех нас сохранит, безусловно.
Как-то раз стюардесса шепнула всему самолету, что к Лиз
в Рим Бертон летит (в первом классе)*.
Никогда еще я не летала так мирно и ровно.

ВТОРОЙ ПОЭТ:
И я тоже все время летаю, хоть сердце дрожит, как у зайца.
Приезжаю пораньше, но не закалить мне свой дух.
В расписании цифры от страха сливаются передо мною,
ясно вижу лишь тех, кто на мой самолет собирается, –
мужиков в мешковатых костюмах, безвкусно одетых старух,
парней с девками в латаных джинсах, у них рюкзаки за спиною,
у других – перманент, брильянтин. Впрочем, это прекрасно,
кто бездарно живет, тот бездарно и пошло умрет.

* Лиз – Элизабет Тейлор, Ричард Бертон – ее муж.

Вот с такими людьми хорошо затеряться в толпе бы,
путешествовать с этим народом вполне безопасно:
Бог не пустит, твержу я себе, эту чернь в роковой самолет,
для возвышенной смерти в огне, опрокинутом с неба.

СОНЕТ ДЛЯ МИНИМАЛИСТОВ

Еще не раскрылся
Пиона бутон,
Как белка под корень
Сломала пион.

Где ж старое сердце
Отыщет цветы,
Чтоб скрасить суровость
Могильной плиты?

Но там из помета,
Что капнул щегол,
Пророс василек и
Поспешно расцвел.

Пусть жизнь неуклюжа –
Да лишь бы не хуже!

Джеймс Дикки
(1923—1997)

ЗВЕРИНЫЙ РАЙ

Они все тут. Их кроткие глаза открыты.
Кто жил в лесу, для тех
Тут лес.
Кто в прериях, для тех
Тут вечно мурава
Под ноги стелется.

И без души, а все-таки попали
Они сюда, не зная сами как.
Здесь расцветают их инстинкты, они
Здесь вокресают.
Их кроткие глаза открыты.

Тут все для них готово,
Все растет, стараясь
Любой ценою превзойти себя:
Густейший лес,
Сочнейшая трава.

Есть между ними те, которым
Здесь было бы не по себе
Без крови.
Они охотятся, как делали всю жизнь.
Лишь когти и клыки их стали

Еще убийственней, дойдя до совершенства.
Бесшумней поступь,
Вкрадчивей движенья.
Прыжок с ветвей
На спину трепетной добычи

Годами длится
В радостном паренье.
А жертвы их и здесь живут своей
Привычной жизнью.
Награда им бродить свободно

Под кущами деревьев, зная,
Какой триумф их ждет:
Не страх, не боль,
А только подчиненье
Знакомой участи

В блаженном центре круга.
Они ступают с дрожью
Под дерево
И падают, и истекают кровью,
И воскресают, и бродят вновь свободно.

В КАМЕНОЛОМНЕ

Начиная раскачиваться
На ветру, срывающемся с края обрыва,
Я слышу грохот лебедки,

Скрип нити, отягощенной мною,
И возношусь на крюке, преображаясь в глыбу,
Счастливый своей невесомостью,

Туда, где квадратным солнцем
Равномерно сверкают четыре мраморные грани
И годы ослепительного труда,

И потом опускаюсь к людям,
Что, насупив заиндевелые брови
И медленно жуя табак,

Распиливают паросскую белизну,
Отводят в сторону блоки мрамора на вагонетках
И на тросах переносят по небу

В провинциальные банки,
В колонны и статуи правительственных зданий,
А чаще всего – на могилы.

Я взбираюсь на свой памятник
И, кружась, уношусь от людей в белых перчатках
Навстречу окаменевшему небу,

Прочь от подвалов света,
С грустью разрывая ослепительные слои времени
На моей надгробной плите,

В которой изначальный образ,
Живущий, по словам Микеланджело, в каждом камне,
Шевелится и, открыв глаза,

С удивлением видит себя ангелом,
Пробудившимся в Джорджии от грохота игры
С десятитонными глыбами.

А я с еще большим удивлением
Ощущаю исчезновение грусти, словно и сам
Прорастаю сейчас из камня

И повисаю на ниточке,
Неотесан, тяжеловесен, провинциален,
Отнюдь не шедевр искусства,

Совершенно недостойный внимания,
Я тем не менее — тайный дух этого места,
Ощущаемый как радость.

Марк Стрэнд
(род. 1934)

В САМОМ КОНЦЕ

Не каждому знать дано, какую он запоет песню в самом конце,
Глядя с палубы корабля на уплывающий причал, и что
Почувствует он в грохоте волн, коченея, в самом конце,
И чем утешит себя, осознав, что возврата нет.

Когда время прошло подстригать кусты и ласкать кота, когда
Ни факел заката, ни лунный мороз не окрасят в саду траву,
Не каждому знать дано, что он встретит всему взамен тогда.
Когда былого груз, не найдя опор, валится в пустоту,

И небо помнится лишь как свет без перистых и кучевых
Облаков, и птицы в полете застыли на месте,
Не каждому знать дано, что его ждет и что он запоет,
Когда корабль его окунется во тьму, там, в самом конце.

Мэри Оливер
(род. 1935)

ГАГАРА НА ОЗЕРЕ ОУКХЕД

кричит три дня в серой мгле.
плачет о севере, которого не найти.

ныряет и возвращается с барахтающимся щуренком.
моргает красным глазом.

вопит вновь.

ты ежедневно приходишь сюда слушать эти вопли.
долго сидишь, ждешь под густыми соснами
в наступившей тишине.

словно это сумерки твоей собственной жизни.
словно это твоя собственная угасающая песнь.

Уильям Метьюз
(1942—1997)

ПЕС-ПОВОДЫРЬ СЛЕПЦА ГОМЕРА

Почти всю жизнь он проводил в работе,
напоминавшей целеустремленный сон.
Скажу вам честно, я и сам не знаю,
как он из мрака сна переходил
в мрак бденья; вероятно, сон по краям
сгущался, а в середине шло пробужденье.
Вот и я сквозь сон еще потряхивал ушами,
а он уже опорожнял пузырь
и каламбурами будить меня старался.
Я сразу невзлюбил дурную шутку
про темносиневинную мочу.
Я возникал с ним рядом наготове,
как бог в эпической поэме, но, по правде,
дел было у меня не много. Да, конечно,
порой я находил себе занятья —
спасал кого-нибудь от гибельного шага
иль от другой беды. Но ведь мои деянья
не интересны вам. А про поэта могу сказать,
что, жизнь отдав труду, он вместе с нею
весь перешел в него — поэтому и умер.
Он был велик, и я его любил.
О сексуальных склонностях поэта
не пророню для вас я ни полвзвизга
так мне противно ваше любопытство,
но для литературоведов я добавлю,

что Пенелопу он писал с меня.
Не ухмыляйся ты, кретин бесшерстый, —
как всякий пес, я воплощаю верность!
Двуногие же щеголяют фразой «Верен
будь самому себе...» Увы, ее концовку
ты увидать не в силах, точно так же,
как собственную тень — слепой. Что ж,
зрячая собака ее тебе откроет, вот:
«... вообразив, что у тебя есть выбор».

Нормен Дьюби
(род. 1945)

ПОЛИТИКА И ИСКУССТВО*

Вот здесь, в самой дальней оконечности полуострова
Налетевший с Атлантического океана зимний шторм
Сотрясал нашу однокомнатную школу.
Миссис Уитимор, смертельно больная туберкулезом,
Сказала, что снегоочиститель с автобусом
Доберутся только затемно.

Она читала нам из мелвиллского «Моби Дика»

О том, как китобои в вельботе, гнавшиеся
Сломя голову по бурному морю за своей добычей,
Вдруг очутились на тихой, гладкой воде
В самом центре огромного стада китов,
Где в полной безопасности, лежа на боку,
Матери-китихи кормили своих сосунков-китят.
Продрогшие, перепуганные люди молча рассматривали
Огражденный живой стеной подводный мир,
И он, казалось, отвечал им единым
Самозабвенным взором кормящей матери.
И волнение покинуло их сердца.

А сегодня я слышал, как одна феминистка сказала,
Что больше десяти лет Мелвилл не продержится в учебных
программах.

---

* Приводимое стихотворение отражает воспоминание детства автора.

«Почему же нет?» – спросила другая.
«Да потому, – отвечала первая, – что в единственном
его романе
нет ни одного женского образа».

Потом миссис Уитимор читала нам из Псалтыря
И кашляла, прижимая к губам платок. За окнами
бушевала вьюга.
Голубой свет падал учительнице на лицо, на грудь,
на плечи.
Вот так иной раз целая эпоха мирно умирает
Вместе с одной молодой женщиной в натопленной
комнате,
Где тридцать восхищенных детей слышат собственными
ушами
Глас Бога в голосе бури.

Марк Джармен
(род. 1952)

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Почему то лето, когда «и пошел мне шестнадцатый год»,
застряло в памяти, словно сентиментальная песенка
из фильма?
Как сейчас вижу себя в кинотеатре в униформе билетера
за прилавком со сладостями и чувствую, как у меня
саднят колени: все утро я катался на доске на волнах прибоя,
что есть духу греб ладонями, старался оседлать
набегавших скакунов, а те нет-нет, да и швыряли неумеху
на дно,
тащили меня там по песку, и соль жгла мне колени.
Но разве мне не о чем больше писать?
Пишется ведь о той жизни, что помнится яснее всего,
и раз эта жизнь — твоя, то и она становится твоей темой,
так что коль скоро годы до и после шестнадцатого
стали теперь бесцветными, как соль, и на вкус, как песок,
то возвращайся-ка в те памятные знобкие утра,
когда озаряющийся океан надевает огромную сияющую кожу,
свежий ветерок покрывает голубую воду чешуйками ряби,
и — как описать это напряженное ожидание? — ты,
стоя на доске на коленях, чтобы согреться и взбодриться,
мочишься прямо в свой гидрокостюм,
чувствуешь, как тепло струится по бедрам и ляжкам,
а первый ряд зыби уже готовится встать на дыбы,
океан под тобой набухает все выше и выше,
солнце бьет плашмя латунной ладонью, будто в гонг,

по поверхности океана, и перед тобой возникает
фыркающая морда белогривой волны.
Однажды мимо проплыл парень постарше меня,
уже кончивший школу и отрастивший русые усищи,
делавшие его похожим на моржа; гребя мощными ладонями,
он проскользнул, словно судно на подводных крыльях,
и окликнул меня по имени. Я был для него малолеткой,
и странно было, что он знает меня, однако
уважительный оклик такого в некотором роде божества
(ходившего, кстати сказать, в одну со мной церковь)
помог мне по-новому взглянуть на себя. Меня заметили.
Вскоре он превратился в далекий силуэт, стоймя
блуждавший по гребням волн в ореоле брызг
белее, чем оперение чайки. Мое имя
он произнес не с усмешкой, а с легким удивлением —
как это я отважился состязаться с громадными
волнами прибоя на утренней заре? А его имя
теперь выгравировано на черной стене в Вашингтоне,
на той застывшей волне, по которой блуждают
скорбные взоры в поисках имен в ореоле памяти*.
Я знал его, говорю, тогда, но не близко.
Мой отец сказал слово на его похоронах. Домой
он вернулся в цинковом гробу, может быть, даже,
вперемешку с кое-какими останками других из его взвода.
Ну да, я могу писать о многом, не только о том лете,
когда мне исполнилось шестнадцать. Но именно там
до меня докатилась мертвая зыбь, моя волна прибоя.
Начинать надо с того, как все началось и как я прозрел.

* «Черная стена» — мраморный памятник в Вашингтоне погибшим во Вьетнаме американцам.

Брэд Лайтхоузер
(род. 1953)

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

На видном месте в церкви — только, к счастью,
свидетель, не виновник торжества —
стоит брат жениха в толпе ближайших
его друзей и смотрит на широкий

проход: там женщины вот-вот появятся, ну так же,
как и вчера — готовясь к церемониалу.
О нет, теперь не так! Не из-за многолюдья,
и света витражей, и музыки Перселла,

которую гудит наемный органист,
внезапно перехватывает горло
у брата: дело в том, что
церковные врата распахнуты и солнце

врывается в притвор — и вдруг
в проеме возникают не женщины, а только
их ослепительные силуэты и прически
как ореолы в золоте лучей.

Они грядут... не то бабьё, с которым
он каждый день на улицах встречался,
болтал, шутил, скучал — нет, это не они,
а девы, девушки... от них отпали годы.

Опалены нездешней новизной,
Плоть обретая в ходе обновленья,
Горя неузнаваемою страстью,
Те незнакомки близятся к нему.

Мэри Джо Солтер
(род. 1954)

РОСТЕПЕЛЬ В САУТ-ХЭДЛИ

Старый снег, накрытый стеклом
вчерашней гололедицы,
покинул палаты зимы,
единственной, надеялись мы,
хранительницы ключей,
свешивающихся с деревьев

не только горстями
сосновых игол
в хрустальных перчатках,
но и само-
родными перстами
сосулек, указующих

(подобно бесплотной
стрелке солнечных часов)
не на пространство,
а на отметку времени —
исходную точку таяния,
заледеневший миг.

В полдень тонкий ледок,
как скорлупа, за которой
бьется живой желток,
с треском ломается под

каблуком; этот поток,
сок, струящийся подо всем,

может быть, просто вода,
но радость бурлит, когда,
в жидкость переходя,
иней, снег, лед
обретают напор дождя.
Грохот на крыше аббатства —

кто перерезал бечевку,
и обрушил белый пласт?
Ясно, кто — это длинные
ножницы солнца
рождают такой гром.
С остроконечной кровли

в замерзшее мгновенье
плавно слетает
снеговой настил,
превращаясь в черную моль внизу.
А небесный свод, что был
только минуту назад
покрыт коркой сплошной
следуя за весной
трескается словно фарфор.
И тектонические плиты,
сдвигаясь, влекут за собою
голубое и белое, белое и голубое.

Даэна Дер-Хованесян
(род. 1934)

О ПЕРЕВОДАХ

I

У МЕНЯ БЫЛО ДВА РОДНЫХ ЯЗЫКА, НО...

Мой армянский теперь – это
музыка далекого детства,
сладостное воспоминание о том,
что называлось домом.
Это мое полуутерянное, променянное сокровище,
не сон, а только призрак сна,
смущающий мои англоязычные сны.
Это отголосок минувших веков,
тень древнего великана,
не дающаяся в руки, упущенный дар,
уносимый волнами вдаль.

II

СТАРЫЕ СЛОВА

Иногда только пять гибких слов
упругого английского языка
способны растолковать одно задубевшее древнее слово.

Старые слова грузно лежат
столетиями поблескивая под солнцем,
этакие крохкие глыбы.

Армянские же слова истончились, они
словно старые монеты, разменивались, обменивались,
тускнели, покрываясь патиной, сравнимой по цвету
разве что со старинными монастырями под дождем...

Значения их обретали иронию
с тончайшим резонансом в подсознании.
Взять хотя бы слово право-судие
с его сатирическим подтекстом.

III
ОБЫЧАЙ

Слова не безжизненны.
Они живут в домах,
Они растут и кормятся.
По армянски *дада* значит
не дэдди, а бабушка,
вторая фигура, склоняющаяся
над головой младенца.

IV
СЛОВА ДЕЛАЮТСЯ ИЗ ВДОХА И ВЫДОХА

гортанью, губами и языком,
а печать и бумага – только безмолвные знаки
того, что должно быть пропето.

Арабы говорят, что каждый новый язык
прибавляет учащемуся новую душу.
Ирландцы говорят, что кельтское молчание
нельзя ни повторить, ни пересказать.

Итальянцы говорят, смеясь, что музыка —
это язык, а музыка, берущая за душу, искусство.
Армяне говорят, что их язык
переводится только сердцем.

Филлис Макгинлей
(1905—1978)

РОЖДЕСТВО БЕЗ САНТЫ КЛАУСА

Вы когда-нибудь слышали,
Сколько хлопот
Причинил Санта Клаус
Однажды нам в тот
И изумительный
И поразительный
Год,
Когда на оленей махнул он рукой
И поклялся устроить себе выходной?

Вы послушать хотите?
Так вот:

Давненько случилось то, дети, —
Вас не было, верно на свете.
Однажды, когда пожелтела трава,
После школы начала, но до Рождества
(Числа не припомню), раз утром морозным
Наш Санта проснулся
Невиданно поздно.
Он сел на кровати,
Взглянул на часы,
Достал свое платье,
Расправил усы,
Откинулся к спинке, вздохнул и сказал:
«Ох, как я устал!

Ночью красил краской яркой
Я повозки и волчки,
Заворачивал подарки
И натачивал коньки.
Голова болит от краски,
Ноют пальцы от стамески,
И я думаю с опаской
О рождественской поездке!»
И сказавши речь такую,
Он поплелся в мастерскую.
В мастерской
Лежат горой
Разные подарки:
Часовой
И ковбой,
Яхты и байдарки,
Поезда, автобусы,
Шарики и глобусы,
Лошади-качалочки,
Обручи и палочки,
И мячи,
И мечи,
Молоточки и клещи.
Часики и блошки,
Книжки и сапожки,
Печки, чтоб варить обеды,
Куклы и велосипеды.

Санта посмотрел с досадой
На заставленные полки
И сказал: «Ведь это надо
Развозить теперь на елки!
Надо собираться в путь,
А хотелось бы вздохнуть,
Отдохнуть хотя бы раз,
Хоть сейчас!»

И вот едва
Он промолвил слова,
Глаза загорелись его,
И крикнул он: «Ну,
И я отдохну,
Как прочие на Рождество!
Аптекари,
И лекари,
И горняки,
И моряки,
И спортсмены,
И полисмены,
И инженеры-строители,
И диких зверей укротители,
Ирландцы и испанцы,
Голландцы и шотландцы
И турки и индусы,
И персы, и зулусы —
Все отпуск имеют на Рождество!
Я требую отпуска своего,

Первого отпуска в тысячу лет!»
И он застегнул свой жилет.

Стояли
У стойла
Олени,
Чесали
О стойло
Колени,
Как вдруг — трезвон:
Звонит телефон.
«Кто говорит?»
«Санта!
Скажите оленям:
Поездку отменим!
Скажите всем гномам:
Останемся дома!
Завесьте все полки —
Быть детям без елки!»
Как заплакали эльфы и гномы:
«Ах, зачем остаемся мы дома!
Ах, зачем пропадают игрушки —
И мячи и ракетки и клюшки,
Лошадки-качалки,
Кнуты и скакалки,
Ковбойский пояс,
Электропоезд,
Пистолет
И велосипед!»

А Санта на гномов-то как заорет:
«Подарки оставим на будущий год!
Немедленно всем сообщите людям,
Что в этом году мы к ним не прибудем!
Насморк давно у меня и артрит,
Колет плечо и спина болит,
Ломит все пальцы, ноют все зубы,
Словно тиски
Давят виски,
И не желаю спускаться я в трубы:
В этом году
В отпуск иду!»

Налево, направо,
И криво и прямо,
В Нью-Йорк и в Варшаву
Летят телеграммы.
В газетах — скандал!
Читают люди:
«САНТА УСТАЛ.
САНТЫ НЕ БУДЕТ».

Про новость про эту
Читая в газете
По целому свету заплакали дети.
Сначала не очень,
Сперва еле-еле,
Потом, что есть мочи
Они заревели.

Намокли ресницы,
Намокли платки,
Подушки,
Игрушки,
Ботинки,
Носки,
Вода поднималась и в Конго и в Ниле,
Пустыню Сахару они затопили,
И Африку всю затопили б ребята,
Когда не нашлось бы в ту пору Игната.

Был мальчик в первом классе
По имени Игнат.
И жил он в Арканзасе
(А может быть, в Канзасе,
А может быть, в Техасе –
Я не запомнил штат).
Из целого класса
Не плакал лишь Игнат.
Он встал и молвил басом –
Один из всех ребят:
«Не плачьте, перестаньте,
Утешьтесь как-нибудь.
Поймите: надо ж Санте
Раз в жизни отдохнуть»,

Ребята заныли: «Пустые слова!
Без Санты не будет для нас Рождества!»

Игнат прикрикнул на ребят:
«Эй, не ревите все подряд!
К нам Санта ездил каждый год
С подарками на Рождество
Подарки делать наш черед,
А не его!
Пускай же каждый в этот год
Подарок Санте свой пошлет!»

«Ура!– воскликнули ребята. –
Ура! Он прав! Качать Игната!»

И пролетели
Новости эти
За полнедели
По всей планете.
Дети узнали об этом
В Испании,
В Швеции,
В Греции,
В Кении,
В Дании,
И закричали они с торжеством:
«Санту поздравим мы все с Рождеством!»

Стали готовить они посылки,
С полок достали они копилки
С лирами
Драхмами,

Кронами,
Иенами,
С леями,
Левами,
Злотыми,
Сенами,
С пенсами,
Центами,
Франками,
Марками,
Чтобы обрадовать Санту подарками.

И вот сквозь горы снегов и льда
Мчатся с подарками поезда.
Мчатся автобусы, мчатся сани,
Везут подарки на гидроплане,
За самолетами по небу полосы,
Надо поспеть долететь им до полюса
К двадцать четвертому декабря,
Чтоб ни за что не пропали зря:
Из Алабамы белье и пижамы,
А из Панамы
Для них монограммы,
Из Аризоны
Четыре вазона
(В вазонах герани
От мальчика Данни).
Из Каролины
Большие картины
(Девочка Салли

С мальчиком Самми
Их рисовали
Карандашами).
Из Занзибара
Кувшинов пара,
Ящик лимонов
Из Барселоны,
От девочки Моники
Губные гармоники,
От мальчика Питера
Три вязаных свитера,
От девочки Варюшки
Теплые варежки,
От мальчика Рольфа
Мячик для гольфа
И белый щенок
По имени Клок.
Кто ж не скопил на подарки ни пенни,
Те посылали свои поздравленья.

И веселился ребячий народ,
Как никогда в этот памятный год.

На полюсе, стоя в снегу по колено,
Олени в раздумье жевали сено.
Сидя на связках светлой соломы,
Скучали без дела эльфы и гномы.
Санта сидел у камина угрюмо
И озабоченно думал думу.

Как вдруг
Звук
Раздается странный!
Шины шуршат, поют гидропланы,
Сани скрипят, гудят поезда –
Смотрит Полярная с неба Звезда
И изумляется,
И удивляется,
И поражается: «Как? Куда?»
Санта со стула привстал немножко,
Голову высунул он в окошко.

Смотрит налево – что за диво!
Смотрит направо – что за чудо!
Прямо на снег у крыльца торопливо
Сгружают посылки. Зачем? Откуда?
И рокот,
И цокот,
И грохот,
И звон –
Пакеты валятся со всех сторон:
Сто!
Тысяча!
Миллион!
Зеленые, белые, красные, желтые,
Круглые, плоские, тонкие, толстые,
Простые,
Нарядные,
Большие,

ГРОМАДНЫЕ,
Из Рима,
Из Лимы,
Из Осло,
Из Нанта,
И все адресованы просто:

«ДЛЯ САНТЫ»

А над посылками, над снегами,
Под облаками колышется знамя
С такими словами (работа Игната):
«Тебя с Рождеством поздравляют ребята!»
Но вот, разгрузившись, с гудками-свистками
Исчезли в ворохе снежной пыли
Все поезда и автомобили,
И самолеты за облаками.

Санта взглянул на гору посылок,
Вынул платок, почесал затылок,
Громко сморкнулся и тихо сказал:
«Ай да ребята! Не ожидал!»

И загремел он, подобно грому,
На растерявшихся эльфов и гномов:
«Тачки везите,
Тащите носилки!
Что вы зеваете,
Рты разеваете!
В дом заносите скорее посылки,

И не разбить,
И не пролить,
И не сломать ничего, понимаете?!»

Гномы возили, носили, таскали
И расставляли посылки в подвале.
Плотно набили они чердаки,
Комнаты,
Кухни,
Мешки,
Сундуки,
В доме и места уже не осталось,
А поместилась самая малость.
Тут увидав неудачу такую,
Эльфы и гномы
Вышли из дома
И очищать принялись мастерскую.

Чтобы все вместить туда,
Сняли с полок поезда,
Яхты и автобусы,
Шарики и глобусы,
Часики и блошки,
Книжки и сапожки –
И подарки в целлофане
Положили Санте в сани.

Санта посмотрел на всех,
Разобрал тут Санту смех:

«Хо-хо-хо, ха-ха-ха,
Это шутка не плоха!
Посмотрите, право слово,
Для поездки все готово!
Что же, тащите шубу и шапку,
И рукавицы и сена охапку,
Полость медвежью мне на колени
И запрягайте в сани оленей!»

Гномы вскричали: «А как же артрит?
У вас ведь плечо и спина болит,
Словно тиски
Давят виски ...»
Санта на это сказал: «Пустяки!
Обе лопатки в полном порядке –
Эх, и помчусь я сейчас без оглядки!»

И тогда без промедлений
Гномы запрягли оленей,
Зазвенели бубенцы,
И олени-молодцы

Полетели, что есть мочи
Не страшась полярной ночи.

Твердила в одно слово
Крылатая молва,
Что не видал такого
Никто-де Рождества.

Носился Санта лихо
По всем домам подряд,
Раскладывал там тихо
Подарки для ребят.
Подъехал он в Канзасе,
А может быть, в Техасе,
Иль даже в Арканзасе
(Я не запомнил штат)
Туда, где жил Игнат,
И по трубе спустился в дом
С велосипедом и письмом.

Стояло в письме:
«Дорогой Игнат,
Благодари от меня ребят –
И девочку Монику
За губную гармонику,
И мальчика Питера
За три вязаных свитера,
И всем, всем детям
На целом свете
Передай от меня большое спасибо,
И скажи, что клянусь я рогами оленей
На праздник являться без промедлений,
Ибо
Отпуск брать, видно, мне не рука.
С полярным приветом
твой С.К.»

И вот с тех пор, заметьте,
Как помнят Санту дети
И обещание его
Всегда бывать на Рождество:
Пусть задувает вьюга в Сочельник,
Пусть заметает
Ельник и пчельник
Пусть по степям
Мчится буран,
Злые метели
Воют и вьются, –
Дети в постели
Ждут и смеются,
И засыпают,
И твердо знают:
Вьюга в окно,
Иль гололед,
Все равно –
САНТА ПРИДЕТ!

О НИКОЛАЕ МОРШЕНЕ

Ровесник революции, Николай Моршен (псевдоним Николая Николаевича Марченко) родился 8 ноября 1917 года в Киеве. В 1941 году окончил Киевский университет с дипломом физика. Во время войны он начал свой долгий путь на Запад: после Германии – США. На многочисленных остановках на этом пути он работал разнорабочим, среди прочего, на уборке развалин Гамбурга, на верфи, на автомобильном заводе. В 1950 году он переехал в Монтерей, где преподавал русский язык в Институте иностранных языков Министерства обороны вплоть до выхода на пенсию в 1977 году. Кроме преподавания Моршен профессионально занимался переводами с английского на русский язык. Живет в Калифорнии и по сей день, и природа Тихоокеанского побережья, которое он изъездил и исходил пешком, ярко и полновесно присутствует в его стихах. Среди поэтических собеседников Моршена – Державин, Пушкин и Тютчев, Гумилев, Пастернак и Мандельштам. Мир физический и метафизический в поэзии Моршена сочетаются органически, его поэзия обращена к современности и открыта миру.

Хотя Моршен начал печатать стихи в послевоенные годы, с изданием сборника он не спешил, и *Тюлень* вышел только в 1959 году. Неторопливости с выходом первого сборника он остался верен и в последующие десятилетия: *Двоеточие* появилось в 1967 году, а *Эхо и зеркало* в 1979. *Собрание стихов,* включающее стихотворения четвертого сборника, *Умолкший жаворонок,* до сих пор не напечатанного отдельной книгой, вышло в 1996 году. Теперь мы выпускаем первое в России издание стихов поэта. Сюдв вошли как новые стихи Н. Моршена, так и лучшие его переводы американской поэзии.

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ СБОРНИКИ

УМОЛКШИЙ ЖАВОРОНОК

П – Перекрестки
В – Встречи
РА-1981 – Русский альманах, 1981
НЖ – Новый журнал, 124 (1976)

181 С древнегреческого. НЖ-124 (1976).
232 Русская сирень. В-1983.
233 Мир стихотворца глазами Панглоса. В-1983.
235 Ледники и морены. П-1979.
236 Карандаш. В-1984.
237 Триединство («Стихи предлагают любому»). В-1991.
238 Великосветский канон. РА-1981.
239 Третий урок ботаники. В-1985.
241 Флора и фавн. В-1985.
243 Чародейка. РА-1981.
245 Вазопись. В-1984.
246 На отмели. П-1980.
247 Стихи на случай. В-1986.
248 Осень на пуантах. П-1982.
250 Предосеннее. П-1982.
253 Языки пламени. Грамматика огня. РА-1981.
255 Еретик. В-1990.
256 Стихи и стихии. РА-1981.
258 Предпасхальное. В-1990.
259 Райское утро. П-1981.
260 У древа познания. П-1981.

НОВЫЕ СТИХИ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВОЕТОЧИЕ

ЭХО И ЗЕРКАЛО

УМОЛКШИЙ ЖАВОРОНОК

I

II

НОВЫЕ СТИХИ

ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Поэзия русского зарубежья

Литературно-художественное издание

Николай МОРШЕН

Пуще неволи: Стихи

Редактор ***Уварова Ю.И.***
Художник ***Никоноров А.Г.***
Художественный редактор ***Чернецова С.А.***
Компьютерная верстка ***Богданов П.Б.***

Подписано к печати 22.08.2000. Формат 70x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Baskerville».
Усл. печ. л. 16,45. Уч.-изд. л. 11,41. Тираж 500 экз.
Изд. № 399. С – 30. Заказ № 5314

Лицензия ЛР № 040935 от 30.12.98 г.
Издательство «Советский спорт».
103064, Москва, ул. Казакова, 18.
Тел. (095) 261-50-32

ISBN 5-85009-615-9

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»,
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, 46